

40 коп.

А. ГРЕБНЕВ

успех

Гребнев Анатолий Борисович
(род. в 1923 г.) пришел в кинодраматургию из журналистики, где выступал как очеркист и театральный критик. По сценариям А. Гребнева создано более двадцати фильмов. Среди них — «Июльский дождь» (в соавторстве с М. Хуцневым), «Дикая собака Динго», «Воскресенья», «Порог», «Дневник», «Вы», «В дню», «Жизнь Ю. Раланов», «Бег на А. Гребнев», «Деятели Запада», «Карл», «Ды» и «Ленин», «Старый», «Степани».

А. ГРЕБНЕВ

УСПЕХ

КИНОСЦЕНАРИЙ

Фильм «Успех», поставленный по сценарию одного из наиболее интересных наших киносценаристов Анатолия Гребнева, привлёк к себе внимание многих миллионов кинозрителей. Пресса дружно и весьма доброжелательно откликнулась на появление картины, поставленной Константином Худяковым, вновь подтвердившим свою репутацию тонкого, наблюдательного и вместе с тем темпераментного режиссера.

И вот перед нами киноповесть, выпущенная по доброй традиции издательства «Искусство» после того, как фильм уже доказал свою значительность, свои высокие художественные достоинства.

Почему я назвал эту традицию «доброй»? Посмотрев фильм, а затем прочитав киносценарий, зритель имеет возможность получить дополнительную эстетическую информацию и тем самым обогатить свое впечатление от увиденной ленты. И дело не в том, что в киносценарии найдутся сцены, которых не было на экране, и не в том также, что читателю вспомнятся эпизоды, которых в сценарии нет. Иначе и быть не может. Постановка фильма, воплощение драматургического замысла на экране неизбежно влекут за собой некоторую трансформацию этого замысла. В случае с кинофильмом «Успех» неизбежная трансформация драматургии, как бы она ни была минимальна, делает прочтение киноповести А. Гребнева особенно полезным. В фильме и киноповести речь идет о таких тонких вещах, что это обстоятельство дало право одному из рецензентов фильма озаглавить свою статью «Тонкая материя»¹.

Так вот, если речь идет о такой «тонкой материи», то сочетание впечатлений от просмотра фильма и прочтения сценария в очень большой степени поможет разобраться в сути проблем, которые ставятся в ленте «Успех».

Проблемы в художественном произведении могут быть поставлены разными способами. Открытым публицистическим спором, сюжетом-притчей, в котором сама история как бы раскрывает суть проблемы, и т. д. и т. п.

Самый высокий и самый трудный способ — создание проблемного характера. Вот это и удалось сначала автору сценария, а затем постановщику фильма К. Худякову и артисту Л. Филатову. Характер главного героя киноповести, созданный А. Гребневым, полон драматизма, правды жизни и самим своим существованием

поднимает большое количество разрешимых и до поры до времени неразрешимых вопросов.

Геннадий Фетисов, молодой режиссер, приехал в провинциальный город, чтобы создать в местном театре спектакль (чеховскую «Чайку»), успех которого послужил бы ему трамплином для работы на уже более значительных и, главное, заметных театральных подмостках. Может быть, в Москве.

Прежде всего, талантлив он или бездарен, этот режиссер?

Вот как ответил на этот вопрос А. Гребнев в одном из своих интервью: «В нашей драматургии существует расхожий штамп: если человек талантлив, то он обязательно непрактичен, не от мира сего, легко раним, и, наоборот, в противовес ему существует тип делового, твердо знающего, что он хочет, но, конечно же, бездарного человека, которому практичность заменяет талант. Между тем в жизни все бывает иначе. Мне был интересен образ человека, сочетающего в себе талант с деловой хваткой, жестокость с одухотворенностью. Я в жизни встречал таких людей и не могу однозначно ответить, как к ним отношусь»¹. А зрителю фильма и читателю киноповести как раз больше всего хочется понять — кто он, этот Фетисов? Любить его или ненавидеть? Впрочем, любовь и ненависть по заказу не рождаются. А Гребневу не пришлось выискивать прототипов для своего героя. Их очень много. И заслуга автора как раз в том и состоит, что ему первому удалось увидеть в жизни и воссоздать в искусстве этот характер, приближающийся к типу.

Но все же — как к нему отнестись?

Вернемся к уже цитировавшемуся интервью.

«Меня волнует сложная диалектическая взаимосвязь морали и дела, искусства и нравственности. Мне хотелось поставить перед зрителем вопрос, на который сам ответа не знаю».

Вот как обстоит дело. А что если вообразить себе спор между автором и его героем, режиссером Фетисовым? Может быть, это поможет нам ответить на интересующий нас вопрос?

«Искусство — дело гуманное...» — начнет А. Гребнев словами все из того же интервью. Фетисов тут же прервет автора киноповести: «Кто вам это сказал? Искусство — дело жестокое. Кого хотите спросите. Хоть самого Станиславского. Известно, какую боль великому режиссеру случалось причинять артистам МХАТ во время репетиций. Даже самому В. Качалову. А представьте себе, как жестоко искусство по отношению к тем, кто его бесконечно любит, но, не имея таланта, не может принести ему в дар ничего, кроме бесплодного обожания. Вспомните, наконец, о работниках в костюмерных, о помрежах, о парикмахерах и гримерах. Сколько среди них «неполучившихся» актрис и актеров!»

В последний раз перед тем, как согласиться со своим героем, А. Гребнев все-таки произнесет слова о том, что искусство существует «во имя радости, счастья, наслаждения».

«В результате! После мучительной целеустремленной работы!» — воскликнет герой киноповести.

А. Гребневу ничего не останется делать, как заключить спор фразой, которой от него никак нельзя было ожидать: «Мой герой во многом для меня аморален». Ведь это же окончательный приговор, которого так старательно избегали и автор сценария и режиссер-постановщик «Успеха». Приговор этот однозначен и как бы диктует нам вполне определенное отношение к центральному образу киноповести и кинофильма.

Может быть, выписанный А. Гребневым характер согласится с этим однозначным приговором (он подчинен автору), как согласится и кинодраматург с утверждением, что искусство одновременно дело гуманное и жестокое. Но что делать с прототипами, которые А. Гребневу не подвластны? Я думаю, прежде всего, нам надо перечитать слова, принадлежащие одному из персонажей «Успеха», обращенные к Фетисову. Их произносит Олег Зуев, справедливо снятый Фетисовым с роли:

«Тебе нужны живые люди, которых ты бы выдавливал, как тюбики, на свои полотна! Ты посмотри, на кого ты похож, а? Ни радости, ни любви человеческой. Художник! С лицом убийцы!»

Мы привыкли не доверять характеристикам, которые дают кому-либо персонажи «отрицательные».

Верить или не верить Олегу Зуеву? Я думаю, в чем-то верить. В этом все дело. Главная беда Фетисова — непомерная, мучительная для окружающих да и для него самого целеустремленность.

А разве целеустремленность может быть излишней? Сколько высоких слов сказано в прославление целеустремленности!

Но вот мы и столкнулись с явлением, когда целеустремленность начинает работать во вред.

Ведь Фетисов на протяжении всей киноповести ни разу не шутил. Не сказал: «Давайте сегодня не будем говорить о «Чайке».

А Станиславский не только шутил на репетициях. Он еще любил «капустники», шуточные представления-импровизации, которые регулярно устраивали в былые времена артисты МХАТ. Зачем-то Станиславскому это было нужно. Зачем? В напряженной работе надо уметь снимать напряжение, для пользы дела.

Это не свойственно прототипам Фетисова и тем более ему самому. Один социолог в лекции, на которой я присутствовал, употребил не слишком одобрительно словосочетание «человеко-цель». Мне кажется, что оно, как ни к кому другому, приложимо к Фетисову.

Большое количество рецензий, по крайней мере с десятком, на-

¹ «Театральная жизнь», 1985, № 16

писанных разными авторами, в разных городах страны, назывались «Цена успеха». Здесь имелась в виду не только смерть одного из обаятельнейших артистов труппы — Павлика Платонова, которого Фетисов снял с роли, а весь стиль работы «человеко-цели». Я думаю, что количество названий «Цена успеха», озаглавливающих рецензии на фильм «Успех», резко сократилось бы, если бы рецензенты были знакомы с киноповестью, по которой поставлен фильм. В киноповести в большей степени прослеживается жестокость главного героя по отношению к себе, а не только к сотрудникам по общему делу, ради которого Фетисов готов на все.

И вот чем еще обогатится впечатление от фильма у тех, кто прочтет киноповесть «Успех». Читатель бесспорно почувствует большую любовь к театру и его людям, которая царит в душе А. Гребнева. Он человек театральный и откровенно любит все, что происходит на сцене и за кулисами. Он любит Зинаиду Николаевну Арсеньеву, «хозяйку» театра, несмотря на явно несправедливые слова, которые она порой произносит, и поступки, с которыми, казалось бы, нельзя согласиться. Вспомните, как эффектно звучит ее очень злая фраза, когда Зинаида Николаевна, не спросив разрешения у Фетисова, покидает репетицию. Фетисов напоминает Арсеньевой о том, что она может уйти только с его, режиссера, разрешения. И получает в ответ:

— Я не вижу здесь режиссера.

Очень зло и высокомерно. Но А. Гребнев, что там ни говори, явно любит свою героиню. Актриса! Актриса каждой клеточкой своего существа! И за это автор сценария ее любит. Он любит красивую, но не слишком талантливую Аллу. И, наконец, он любит Фетисова. Любит, кляня все его недостатки.

Вот где скрыта неоднозначность. Вот почему автор не может ответить на многие закономерно возникающие у зрителей «Успеха» слегка недоуменные вопросы. После знакомства с киноповестью А. Гребнева многое из того, что нас несколько озадачило в фильме, окажется закономерным. Мало того, после прочтения сценария зрители «Успеха» в большей степени почувствуют, что жесткий стиль руководства Фетисова не так уж редко обнаруживается не только в искусстве, но и в других областях человеческой деятельности. Речь идет не о деловитости, а об эдакой сверхцелеустремленности, за которой прячется эгоизм пусть талантливого, но явно ошибающегося человека. И вот в чем эта ошибка.

«Победа искупает все, что пришлось совершить на пути к ней», — думают Фетисов и его прототипы. Они не правы. Победителей судят. В нравственном обществе.

В киноповести в большей степени, чем в фильме, ощущается лирическая природа «Успеха», его поэтичность. Фильм более жесток. Ну а общее впечатление от чтения киноповести и просмотра кино-

фильма заставляет многое перечувствовать, о многом поразмышлять. Это куда дороже авторских и режиссерских подсказок.

Признание А. Гребнева в том, что на некоторые вопросы, поставленные в сценарии, он сам не знает ответа, свидетельство того, что мы имеем дело с истинно художественным произведением, а не с точно выверенной схемой.

Михаил Львовский

Успех

В дневной час по пустому театральному фойе прогуливался человек. Неспешная походка и непричастный взгляд, каким он рассматривал фотографии на стенах, выдавали в нем человека из публики, постороннего, и кто-то проходивший мимо спросил: «Вы ждете кого-нибудь?»

Фотографии на стенах были портретами актеров. Смеющиеся, задумчивые, самоуглубленные, в профиль, фас и три четверти, вероятно, более молодые, чем в жизни, вероятно, такие, какими казались самим себе и хотели казаться нам, — все они вместе составляли труппу этого театра.

В зале, куда затем направился приезжий, происходила репетиция. Группа актеров, расположившись полукругом на сцене, распевала куплеты под аккомпанемент двух гитар. Куплеты были шуточного содержания, актерский полукруг перемещался в танце, совершая обороты лицом к центру сцены, где находился сейчас пустой стул. Несомненно, речь шла о юбилее. «Мы одну мечту лелеем: все идти за вами вслед и поздравить с юбилеем через восемьдесят лет», — пели на сцене. И, конечно же, пустой стул был предполагаемым местом именинника-юбиляра, вокруг которого и разворачивались события. Судя по стихам, место это принадлежало женщине. («Вы ничуть не стали старше, объясните, в чем секрет» — так мы скажем юбиляру через восемьдесят лет».)

Итак, репетировался юбилей.

Вслед за куплетами предполагалась, очевидно, какая-то другая часть веселого представления. Стоявшие полукругом рассеялись по сцене, началась обычная репетиционная суета — определяли место, где кому стоять; некий молодой человек хлопал в ладоши, призывая: «Внимание, товарищи!» Потом он же позвал: «Зинаида Николаевна!» Все, кто был на сцене, стали аплодировать. И тогда вышла из-за кулис женщина и раскланялась.

Это и была Зинаида Николаевна, будущая юбилярша. На ней был сейчас кожаный пиджачок и брюки, никак не вязавшиеся с церемонией юбилея. Но и аплодисменты на сцене были репетицией будущих аплодисментов, и поклоны тоже были будущими; совершив их вчерне, Зинаида Николаевна, чем-то недовольная, сделала замеча-

ния партнерам и тут же принялась их переставлять. Молодой человек, распоряжавшийся здесь до нее, стоял в это время у рампы, лицом к залу, где он кого-то высмотрел в полутьме. В зале, в задних рядах, сидел в одиночестве приезжий.

— Кто это там? Вижу знакомые контуры... Ты, Геннадий?..

Никто не отозвался.

— А ну-ка дайте свет в зал!

Дали свет. Приезжий сидел в своем девятнадцатом ряду молча.

— Ну, конечно! — обрадовался молодой человек. — Позвольте вам представить. Геннадий Фетисов, не знаю, как по отчеству. Наш новый режиссер!

Приезжий неловко привстал, сделав что-то вроде поклона. Это был, в общем-то, обычный малый, каких немало в столицах, а теперь уже и в областных городах, — в джинсах непонятного срока службы с ремнем на бедрах, в кожаной курточке, лет что-нибудь около тридцати или, вернее, за тридцать, с лицом скорее грубым, чем утонченным, без видимых признаков принадлежности к какой-либо определенной профессии или среде. Между тем, это был режиссер, и сейчас все смотрели на него, а старый его приятель уже спускался со сцены в зал — здороваться...

Театр принадлежал областному центру, старому русскому городу, улицы которого еще хранили отчасти свой первоначальный облик, хотя и пестрели новомодными вывесками — «Салют», «Планета», «Чудесница», «Космос»... Геннадий Фетисов шел в сопровождении приятеля, поглядывая по сторонам. Был тихий день осени, неподвижно стояли деревья, шуршали троллейбусы. Приятель вел Геннадия, поддерживая его за локоть, словно тот мог отстать или заблудиться.

— Видишь, город симпатичный. Пойдем к тебе или ко мне?

— Ко мне.

— Город, я говорю, симпатичный, — объяснял приятель. — Парк здесь замечательный. Река, пароходы... Девушки, между прочим, первый сорт. Ты как насчет этого?.. В общем, жить можно... Главный наш режиссер собирается на заслуженный отдых, тебе говорили, наверно. Так что дорога свободна, есть, конечно, свои подводные рифы, но и то лучше, чем прозябать в Москве. Ты, я думаю, понял уже...

Геннадий Фетисов молчал. Олег Зуев — так звали приятеля — продолжал свой монолог, время от времени прерываясь, поскольку — словно в подтверждение его слов — им встречались по пути безусловно красивые девушки.

— Что касается меня, — говорил он, — то я пока что вполне доволен, работы хватает, увидишь меня в спектаклях. Опять же мест-

ное телевидение, радио. Так что не бойсь, проживем... А ты почему, собственно говоря, в гостинице, есть же общежитие у театра...

— Так пока решил, — сказал Геннадий. — Слушай, а что это за актриса, которую вы чествуете?

— Так это Арсеньева Зинаида Николаевна. Ты слышал, наверное. Наша народная, депутат и все такое, в общем, хозяйка... Вот делаем ей сейчас творческий вечер по случаю круглой даты, цифра не афишируется... Нам — сюда, если в гостиницу...

В гостинице, в лифте, оказались две девушки, и опять симпатичные, и обе смотрели на Олега, не иначе, узнали его.

— Узнают, — подтвердил Олег, когда вышли из лифта. — Это тоже, между прочим, свойство провинции... У нас Зинаида Николаевна не любит куда выезжать. Долго думали: почему? Даже Москвой ее не соблазнишь. А потому что, оказывается, там ее не знают. А ей без этого не жизнь...

Фетисов открыл ключом номер. Вошли. И тут Олег замолчал. То, что он увидел, произвело на него впечатление: комната, за ней другая — спальня с двумя кроватями, с дверью, ведущей в ванную.

— Ого! Ты даешь! — заметил он, подробно обследовав все помещения. — И телевизор, никак, цветной... Ты тут не один, что ли?

— Один.

— Это что, театр тебе оплачивает?

— Да нет.

— А как же ты?

— Вот так.

Олег еще прошелся по комнате, заметил портфель на полу возле письменного стола, журнальчик на столе, книгу — том Чехова.

— Ты ничего не рассказываешь о своих планах, — сказал он, уже несколько сменив тон. — Что собираешься ставить? Есть уже наметки?

— Так, приблизительно.

— Чехова? — Олег подержал в руках том.

— Возможно... Знаешь, я всю жизнь прожил в тесноте. Общежитие и тому подобное. Так что это у меня своего рода слабость — апартаменты, — признался вдруг Геннадий. — Поживу пока...

— Слушай, тебя как по отчеству? — спросил Олег.

— Максимович. А тебя?

— Петрович... Будем по отчеству, да?

— Как хочешь.

— Ну что, обедать?

— Нет. Спать.

— Будешь спать?

— Да.

Олег поднялся. Он был несколько растерян.

— Ну хорошо. — И еще замешкался, но Геннадий явно не собиравался его задерживать. — А вечером что? Может, зайдешь после спектакля?

— Может быть.

— Так тебе адрес оставить?

— Оставь.

Олег вырвал листок из блокнота.

— Спасибо. Хорошо, — кивнул дружелюбно Геннадий, отпуская его.

Оставшись в одиночестве, он сразу снял трубку телефона.

— Алло! Как отсюда в Москву позвонить?.. Восемь, ноль и что еще?.. Хорошо.

Он набрал номер, дождался.

— Мама! — позвал он громко. — Слышишь меня?.. Все хорошо. Ты как себя чувствуешь?.. А что с глазами?.. Ты не сиди у телевизора, слышишь, выключи ты его, дай отдых глазам... У меня все нормально, мамочка... Город хороший. Река, пароходы... Я тебе буду звонить, ладно? Писать не буду...

Актеры в масках, в ботфортах, со шпагами изображали сказочных персонажей. Зал смеялся, шумел, ревел от удовольствия. Шел утренняя...

И те же актеры смотрели на нас с портретов в фойе — пожилые

и молодые, с остановившимися выражениями глубокомыслия, беспечности, серьезности... Двое в пустом фойе — Геннадий Фетисов и его спутник, пожилой, барственного вида мужчина, Николай Александрович Винокуров, главный режиссер театра, как мы вскоре поймем, — обозревали галерею, переходя от портрета к портрету.

— Зуев Олег, личность вам знакомая, приятель, если не ошибаюсь...

— Да, это мой товарищ, — подтвердил Геннадий. — Учились вместе. А что он за актер?

— Актер умный, живой. Может сыграть у вас Треплева, если вы намерены ставить «Чайку»... А вот вам, кстати, и Аркадина. Наша Зинаида Николаевна. Лучшей Аркадиной вы не найдете... — И дальше: — Это наша молодежь. Вот вам Нина Заречная, если желаете... Вот еще одна Нина. Эта несколько холоднее, но, как видите, хороша, да?.. А вот вам Тригорин один, вот другой. Это Платонов Павел Афанасьевич. Артист, который сыграет вам все... Посмотрите его в спектаклях. Кстати! — Николай Александрович поднял палец. — Народ обидчивый, вы учтите. И это сейчас почему-то прогрессирует. Эпоха юбилеев, что ли. Так что — осторожно! Будут спрашивать ваши впечатления — говорите: «Да-да, интересно. Что-то больше понравилось, что-то меньше». Испытанный прием!

Пошли дальше. Николай Александрович продолжал свои напутствия:

— Каждому театру, как известно, отпущен свой срок: двадцать

лет. Нашему театру — сто пятьдесят. Вы меня поняли?.. Кого-то из этих милых женщин надо вам занять по мотивам, так сказать, гуманным. Вот эту — особенно. Ей год до пенсии, занятость небольшая. И вот этого актера. Это наш Владислав Петрович. Прямо скажем, не Качалов. Но что-то надо ему дать. Это в ваших интересах.

— Почему?

— Это муж нашей Зинаиды Николаевны.

— Понятно.

— А что делать, голубчик, куда от этого денешься? Я, правда, не знаю ваших тайных намерений. Хотите ли вы остаться у нас или это, так сказать, трамплин? — Николай Александрович смотрел ласково на Геннадия. — И вообще что вы за человек — принадлежите ли вы жизни или искусству? Вопрос не праздный... Кстати, вы мнительны или нет?

— Не знаю, — отвечал с улыбкой Геннадий.

— Я вам сразу скажу... — Они стояли теперь в тесной актерской раздевалке, у служебного входа, и Николай Александрович неторопливо, со вкусом надевал перед зеркалом плащ. — Жрать я вас не собираюсь, даже в случае вашего успеха. Еще лет десять назад я бы за себя в этом плане не поручился. Но теперь, милый Геннадий Максимович — так, кажется? — теперь я смотрю на вещи по-другому и собрался, как вы знаете, на заслуженный отдых, хотя отроду имею всего шестьдесят два года... — Он двинулся к выходу, у самой двери задержался, королевским жестом пропуская вперед Геннадия. — Так что, дорогой Геннадий Максимович, мне от вас ничего не нужно. Если поднимете театр на недостижимую высоту, буду только рад. Советы мои поэтому вполне бескорыстны... Будьте дипломатом, если умеете... Вот, пожалуйста, два наших молодца! Что, антракт?

— Да, Николай Александрович! — Два актера, только что со сцены, в ботфортах, в плащах, наспех накинутых поверх театральных костюмов, устремились по улице, через дорогу, к находившемуся там стеклянному заведению.

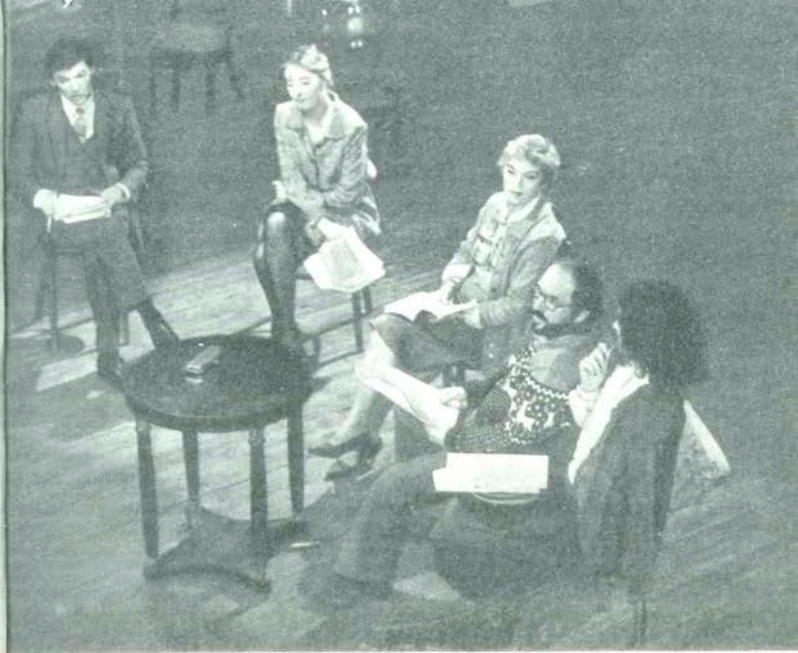
Николай Александрович смотрел им вслед.

— Когда-то считалось невозможным появиться актеру в публической, если он занят в спектакле. Но сейчас уже трудно определить, где актеры, а где публика, они, так сказать, смешались в нечто одно, и если вы это поймете...

— Я попробую, — сказал Геннадий.

Начались репетиции.

Актеры с тетрадками расположились на пустой сцене, на стульях, расставленных полукругом, и здесь же поставлен был столик с лампой — для режиссера, но Геннадий за ним почти не сидел — хо-

дил, иногда присаживался на какой-нибудь свободный стул, где придется.

Чеховский Треплев готовил свой домашний спектакль, ждал Нину Заречную, волновался. Олег Зуев читал по тетрадке:

— «Поднимем занавес ровно в половине девятого, когда взойдет луна... Если Заречная опоздает, то, конечно, пропадет весь эффект. Пора бы уж ей быть. Отец и мачеха стерегут ее...»

— Вот с этого места: «Любит — не любит», — предложил Геннадий. — Дайте реплику ему.

Женщина-помреж прочла:

— «Ты вообразил, что твоя пьеса не нравится матери, и уже волнуешься и все. Успокойся, мать тебя обожает».

— «Любит — не любит, любит — не любит», — произнес Олег.

— погоди, не торопись, — поднялся Геннадий. — «Мать тебя обожает». Смешно! Ты-то знаешь, что это не так...

...Все это слушали молча, с тетрадками на коленях, дожидаясь своей очереди, исполнители других ролей, и среди них — Арсеньева, Зинаида Николаевна. Лицо ее выражало покорное терпение. Рядом с ней сидела молодая актриса, одна из тех, чьи фотографии демонстрировал Геннадию умудренный Николай Александрович: «Эта несколько холодней, но, как видите, хороша». Актриса была действительно хороша собой; холодность тоже присутствовала и в данном случае относилась к репетиции и режиссеру: обе актрисы,

как, впрочем, и остальные, внимали происходящему с терпеливо-скучающими лицами экзаменаторов...

Одно из лиц было, однако, добрее, на нем был свет благожелательности и внимания. Но, вероятно, в каждой экзаменационной комиссии находится человек, готовый ободрить или подсказать. В данном случае это был актер на роль Тригорина, Павел Афанасьевич Платонов, тот самый, который, по уверению главрежа, может сыграть все. С ним сидела худенькая некрасивая женщина лет тридцати, его жена, тоже с тетрадкой — ролью Машин...

— «Видишь, моя мать меня не любит, — говорил Треплев — Олег Зуев. — Еще бы! Ей хочется жить, любить, носить светлые кофточки, а мне уже двадцать пять лет, и я постоянно напоминаю ей, что она уже не молода... Она знает также, что я не признаю театра. Она любит театр, ей кажется, что она служит человечеству, святому искусству, а по-моему, современный театр — это рутина, предрассудок. Когда поднимается занавес и при вечернем освещении, в комнате с тремя стенами эти великие таланты, жрецы святого искусства изображают, как люди едят, пьют, носят свои пиджаки... когда в тысяче вариаций мне подносят все одно и то же, одно и то же, одно и то же, — то я бегу и бегу, как Мопассан бежал от Эйфелевой башни, которая давила ему мозг своею пошлостью...». Смотрю на часы, — добавил Олег.

— Смотришь на часы. Она опаздывает... Вы что-то сказали? — встрепенулся Геннадий, услышав реплику одной из женщин — то ли Зинаиды Николаевны, то ли ее очаровательной соседки.

— Нет, — сказала соседка.

— Встаньте, пожалуйста, подойдите.

— Мне... подойти?

— Да, пожалуйста... Алла, как вас по отчеству? С вашего выхода! Какой там текст?

— Он говорит: «Я слышу шаги. Я без нее жить не могу», — прочла женщина-помреж.

— «Я без нее жить не могу», — повторил Зуев.

— Встань, не бойся! — обратился к Зуеву Геннадий. — «Я без нее жить не могу!» Услышал ее шаги! Алла, где вы там?

— Что, будем строить мизансцену? — спросила Алла.

— Я не знаю, как это у вас называется... Вот оттуда, скорей! Что вы там ищете, черт побери?

— Черт побери, текст, — не осталась в долгу Алла.

— Текст надо знать! Ну? Что вы стоите! Пошли! Треплев — ей навстречу!

— «Я не опоздала... Конечно, я не опоздала», — прочла женщина-помреж.

— «Я не опоздала... Конечно, я не опоздала», — повторила Алла, выходя из кулисы.

— «Нет, нет и нет!» — произнес Олег, идя ей навстречу.

— Дальше!

Актриса нашла наконец текст в тетрадке:

— «Весь день я беспокоилась, мне так было страшно! Я боялась, что отец не пустит меня, но они уехали с мачехой... Красное небо, уже начинает восходить луна, и я гнала лошадь, гнала!»

— «В самом деле, уже пора начинать. Надо идти звать всех». Тут реплика дяди, — сказал Олег.

— Давайте дальше. Будет дядя. Я должен посмотреть ваших артистов, — сказал Геннадий.

— Нас вы уже посмотрели? — спросила Алла.

— Вас — да. Посмотрел.

— И как?

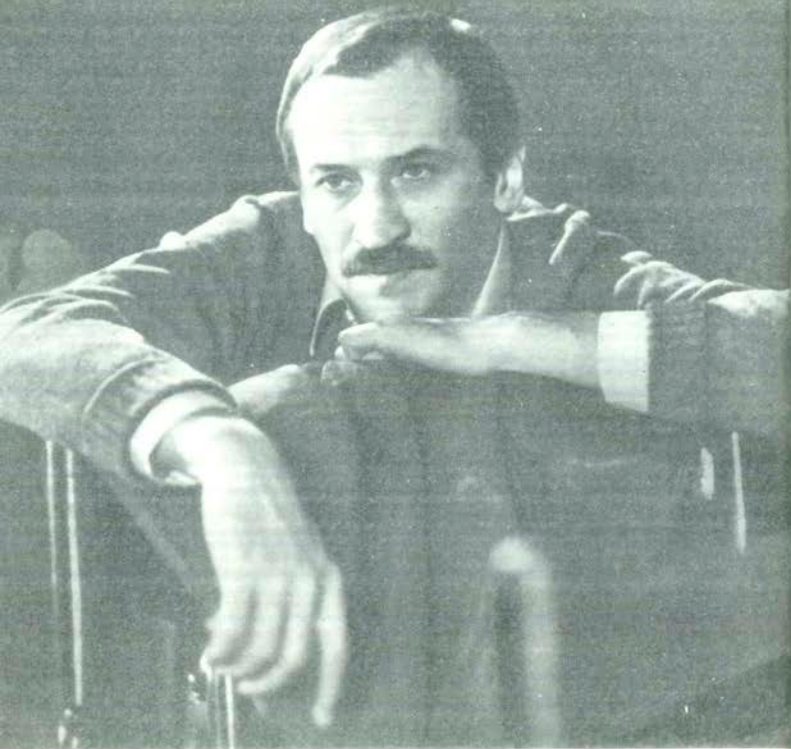
— Что-то больше понравилось, что-то меньше!

Все засмеялись. Формула была знакома.

— Хотите правду? — продолжал Геннадий. — У вас такие скучные лица на сцене. Вот у вас. — Он посмотрел на Аллу. — Такая милая физиономия — и такая скука. После сытного обеда! «Красное небо... я гнала лошадей», — передразнил он ее. — Да вы же летели сюда! Это ваша радость, надежда! — Он вскочил с очередного стула. — «Гнала лошадь, гнала!.. Меня тянет сюда, к озеру, как чайку! Мое сердце полно вами!» Так или нет?

Актеры переглянулись.

— Это она что, здесь любит его? — спросила, не скрывая иронии, Алла.

— Любит, да. Ты любишь меня, — сообщил Олег.

— Любит, да, всех любит, и тебя в том числе! — продолжал возбужденно Геннадий. — Колдовское озеро, счастье, тут кругом разлито счастье, все любят, все опьянены! И даже вы! — Он повернулся к актрисе, играющей Машу. — Вы тоже!

— «Я хожу в черном. Это траур по моей жизни», — процитировала актриса.

— И все равно! И тем не менее! Вы у меня выйдете со словами из пьесы Третьякова: «Люди, львы, орлы и куропатки!» С улыбкой, с предвкушением чего-то необыкновенного, что должно случиться! Вот такой у нас будет первый акт! «Люди, львы, орлы и куропатки!» И вам отвечает эхо: у-у... ы-ы... а-а!..

Он замолк, сел. Экзаменаторы следили за ним с выражением вежливого интереса на лицах.

— Дайте музыку! — Он обратился вверх, к будке радистов. — Грустный вальс какой-нибудь, все равно!

Ответов не последовало.

— Там нет никого, — объяснил доброжелательный Платонов.

— Скажите, чтобы там впредь всегда был радист, — непонятно

к кому конкретно обращаясь, сказал Геннадий. — Репетиции обязательны для всех.

И он уже снова встал и, не замечая недоверчивых взглядов, словно их не было и не могло быть, словно это был его театр, которым он давно и по праву руководил, — прошелся по сцене и начал монолог, сопровождая его странными движениями, пантомимой:

— «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде... словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли... Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа...» Идите сюда! — схватил он за руку Аллу. — Повторяйте! «Уже тысячи веков...»

— «Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа», — проговорила, пожав плечами, Алла.

— «На лугу уже не просыпаются с криком журавли...» — Он остановился. — Мы их пустим тут обоих, по очереди! Третьяков в костюме Пьеро, пантомима, он помогает ей читать этот монолог! Пусть это будет уже не монолог, это будет диалог, Чехов, я думаю, нас простит... Что? — Ему послышалась чья-то реплика. — И тогда еще обидней поведение матери, ее эти реплики насчет декадентства и вся эта сытая пошлость, правильно? — Он обращался к Арсеньевой, угадывая в ней оппонента.

— А что же это, по-вашему? — спросила Арсеньева. — Не декадентство, что ли?

— Правильно! — взметнулся Геннадий. — Вот вы так и будете считать, вы, Аркадина, это ваше искреннее убеждение!

— А зритель?

— Что — зритель?

— Хотелось бы знать вашу идею. О чем вы собираетесь ставить спектакль? Все-таки интересно.

— Зачем вам, Зинаида Николаевна? — сказал Геннадий. — Рассказывать идею? Вот сделаем с вами гениальный спектакль, придут критики, все нам объяснят... Продолжаем! Алла... как вас по отчеству?

— Романовна.

— Прекрасно! Идите, куда же вы ушли! Олег Петрович! Что там у нас дальше?

— Половина четвертого, — сказала женщина-помощник.

— Товарищи, товарищи, — поднялся актер, до сих пор незаметно сидевший среди других, — деньги на экскурсию кто еще не сдавал?

В тесной актерской раздевалке Геннадий лицом к лицу столкнулся с Аллой, Аллой Романовной, и одновременно с незнакомым молодым человеком, подававшим ей пальто. «Простите», — сказал

молодой человек, нечаянно задев Геннадия локтем. И отчего-то смутились все трое.

Потом они вышли — Алла и ее спутник, оба молодые, красивые, в кожаных длинных пальто, с этой одинаковостью, от которой веяло благополучием и здоровьем. Недоставало еще, чтобы они сели в машину и уехали в другую, неведомую жизнь. И так оно именно и случилось. Геннадий и вышедший вслед за ним на улицу Олег проводили взглядами желтенькие «Жигули».

— Это муж ее, — сообщил Олег. — Он у нее какой-то физик или химик. А папа — директор универсама, вот так! Ты опоздал, старик... А впрочем, кто знает! — И Олег дружески подтолкнул его локтем.

Прошла Арсеньева. Улыбнулась, кивнула.

Прошли Платонов с женой.

Олег остановил такси, спросил:

— Тебя подвезти? Я — на телевидение, это — мимо... — И уехал, не получив ответа.

В «стекляшке» напротив театра кормили сардельками и кефиром. Геннадий взял и то и другое. Бутылку кефира выпил сразу, стакан за стаканом.

Он сидел в одиночестве, за свободным столиком, медленно управляясь с сардельками, глядя куда-то вдаль, все еще с выключенным зрением и слухом, которых почти не касалось происходящее рядом — ни чье-то мимолетное приветствие (вошел кто-то из своих, театральных), ни даже посягательство на свободное место за столиком — здесь устроилась какая-то девушка, тоже с сардельками и кефиром.

Слух его различал сейчас, словно ловил в эфире, одну только странную ускользающую мелодию. И затем — все отчетливее — голоса:

«Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде... словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли», — говорил женский голос, и мужской отзывался ему: «Уже тысячи веков, как земля не носит на себе ни одного живого существа, и эта бедная луна напрасно зажигает свой фонарь...»

— Вы что-то хотели сказать? — произнес женский голос рядом. Девушка, соседка за столом, смотрела на Геннадия.

— Нет. А вы?

Девушка была маленького роста, пигалица, с умными, серьезными глазами, с сединой в волосах, однако совсем молодая лицом, может быть, лет двадцати: все путала эта седая челка.

— Мне показалось, что вы... — сказала девушка.

— Ну давайте тогда поговорим.

— Нет, не обязательно. Просто мне показалось, что вы улыбаетесь, вернее, смеетесь, и я подумала...

— Нет. Я не смеюсь. У меня нет чувства юмора, — сказал Геннадий.

— Что, никогда не смеетесь?

— В отдельных случаях, — и Геннадий улыбнулся.

— До свидания. — Девушка уже поднялась, взяла свою сумку. И опять в необъятном эфире, из всех его мыслимых звуков и голосов, отделилась странная ускользающая мелодия:

«Я одинока. Раз в сто лет я открываю уста... и мой голос звучит в этой пустоте уныло, и никто не слышит... И вы, бледные огни, не слышите меня...»

— «Как пленник, брошенный в пустой глубокий колодец, я не знаю, где я и что меня ждет...» — читала по тетрадке Алла — Нина Заречная, и Олег Зуев — Треплев — стоял рядом, и остальные актеры сидели на прежних местах. Шла репетиция.

— «Это что-то декадентское», — произнесла Зинаида Николаевна. Спohватилась: — Пардон, это я уже говорила. — Нацепила очки, прочла: — «Серой пахнет. Это так нужно?»

— «Да», — отвечал Треплев — Олег.

— «Да, это эффект!» — Зинаида Николаевна посмеялась смехом Аркадиной.

— «Мама!» — вскричал Треплев.

— «Мама!» — повторил, заметался по сцене Геннадий.

Вскочил на стул:

— «Пьеса кончена! Довольно! Занавес!»

— Так и делать мне? Вскакивать на стул? — спросил Олег.

— «Виноват, — продолжал, сойдя со стула, Геннадий, — я упустил из вида...». Как там дальше?

— «Виноват, — сыграл Олег, — я упустил из вида, что писать пьесы и играть на сцене могут только немногие избранные! Я нарушил монополию! Мне... я...».

— «Что с ним?» — спросила Зинаида Николаевна.

— «Ирина, нельзя так, матушка, обращаться с молодым самолюбием... Ты его обидела», — прочла помреж Галя.

— «Он сам предупреждал, что это шутка, и я относилась к его пьесе, как к шутке. — Зинаида Николаевна надела очки. — Теперь оказывается, что он написал великое произведение... Скажите, пожалуйста!»

— «Он хотел доставить тебе удовольствие», — прочла помреж Галя.

— «Да? Однако же он не выбрал какой-нибудь обыкновенной пьесы, а заставил нас прослушать этот декадентский бред, — произнесла Арсеньева. — Ради шутки и я готова слушать и бред, но ведь тут претензии на новые формы, на новую эру в искусстве».

— Ну-ну? — сказал Геннадий.

— «А по-моему, никаких тут новых форм нет, а просто дурной характер»

— Что вас смущает?

— Давайте договоримся, — сказала Арсеньева. — Это что, действительно бред или не бред? Как мы должны к этому относиться?

— Кто «мы»?

— В данном случае зрители.

— Но вы не зрители. Вы Аркадина, Ирина Николаевна.

— Но я хочу понимать, что мы играем.

— Хорошо, я вам объясню. Это не бред. Это произведение талантливого человека, новатора... Вот видите, вы усомнились. И правильно! Его никто не понимает — ни собственная мать, ни любимая девушка, ни тем более этот преуспевающий беллетрист, ваш любовник. Никто! Его распинают на этом дощатом помосте, как распинали всегда бездарности талантливых людей.

— Погодите, — сказала Арсеньева. — Это все очень субъективно.

— А вы как хотели?

— А мы хотели играть, простите, Чехова.

— А что вы знаете про Чехова и почему вы говорите за него? Я думаю, ему бы как раз понравился наш замысел. Почти уверен! — заявил Геннадий уже тоном завоеванного превосходства, хотя торжествовать победу было рано. — Есть еще вопросы, пожалуйста!

— Спасибо, все ясно, — сказала Арсеньева, захлопнув тетрадку, как бы подводя итог экзамена. И поднялась.

— Сядьте, пожалуйста, — сказал Геннадий, — я вас не отпускал.
— Что? — обернулась она.
— Не знаю, как у вас в театре. Там, где я работал, спрашивали разрешения у режиссера.

— Я не вижу здесь режиссера, — сказала Арсеньева, уже твердо направляясь к выходу.

— У кого часы? — спросил спокойно Геннадий. — Сколько там времени? Продолжаем...

Олег Зуев привел его к себе, в уютную двухкомнатную квартиру, обставленную в столичном вкусе, вполне семейную, со всеми признаками налаженного быта.

— Входи. Раздевайся. Будь как дома. Вот, если хочешь, шлепанцы, можешь — так. Жена в командировке, вот такая у меня деловая жена, так что мы одни во всех смыслах...

— Кто она у тебя?

— О! Не говори. Работник областной прокуратуры, начальник отдела! Ничего, не страшно.

— Это у тебя вторая жена?

— Да. Первую ты помнишь, Аньку. С нашего курса. Расстались еще тогда. Это я здесь женился. Она старше меня на шесть лет. Но, в общем, все хорошо... Давай-ка располагайся... Душ?..

— Зачем?

— Освежает. Успокаивает.

— Я спокоен.

— Хорошо! Сейчас покормим тебя, я ведь сам готовлю, между прочим, сейчас попробуешь и скажешь... Слушай! — Олег выразительно посмотрел на Геннадия... — А? Позовем?

— Кого? Нет, не стоит.

— Две подружки. Умненькие, — сообщил Олег. — Я глупых терпеть не могу, должен тебе сказать. Девочки из книготорга. Это в наше время — о-о! Сейчас я позвоню. Ты располагайся. Хочешь, поспи. Сейчас тебе подушку...

— Да нет.

Но Олег уже тащил подушку и плед и еще бутылку с заграничной этикеткой — все быстро, ловко, заботливо. Бутылку, рюмки.

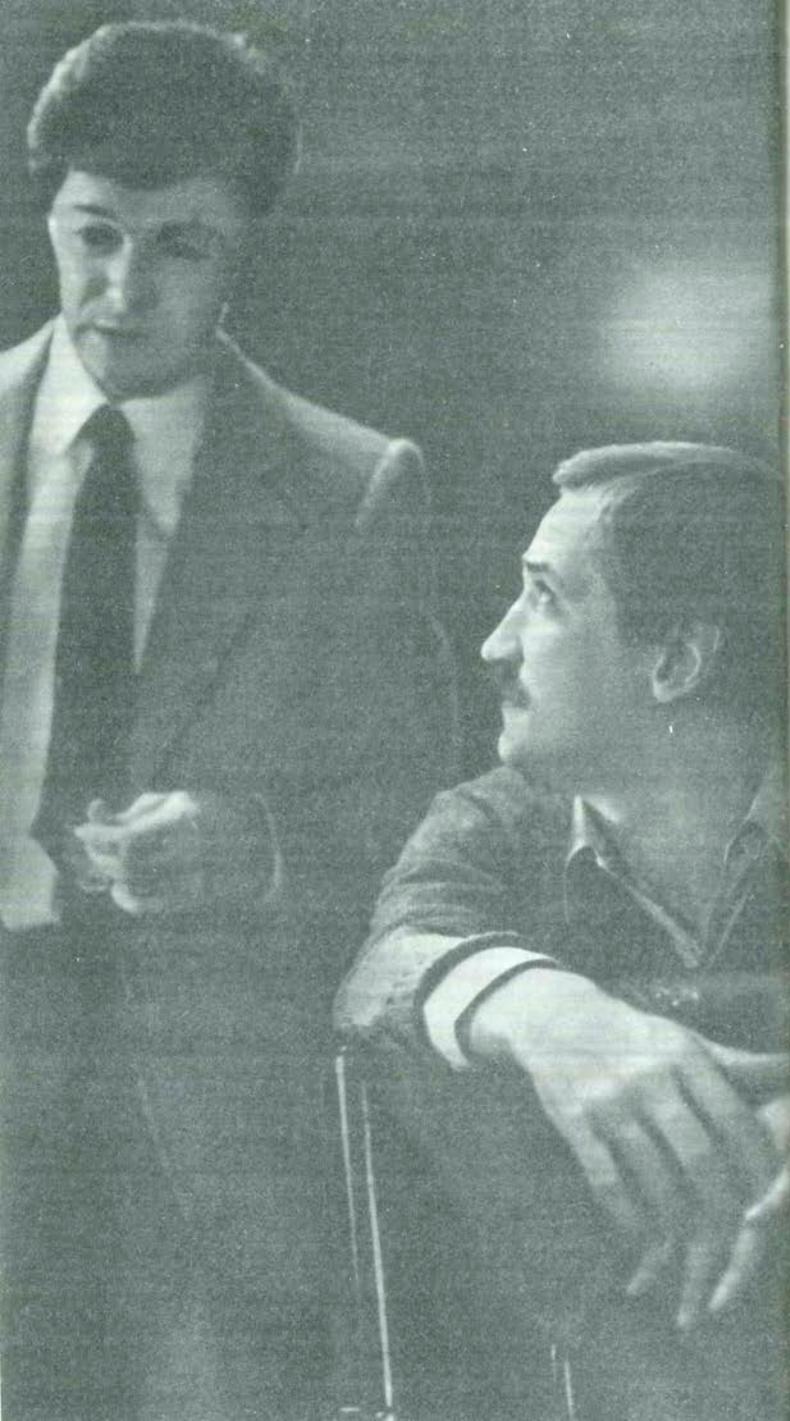
— Вот виски, между прочим. Выпей, согрейся.

И пошел звонить.

Геннадий повертел бутылку, пить не стал, подушкой и пледом тоже не воспользовался. Принялся рассматривать книжные полки.

— Порядок, — сообщил, возвращаясь, Олег. — Как раз конец рабочего дня. Я их застал, велел купить хлеба по дороге, у нас с хлебом плохо... Ну, так что? — Он наконец утомился, сел, уставился на Геннадия. — Что делать будем?

— В смысле?

— Это все ведь очень серьезно, не знаю, понимаешь ли ты. Дело даже не в том, что ушла Арсеньева...

— Замечательная книга! — Геннадий листал альбом с репродукциями и, кажется, занят был этим всецело.

— Жена собирает... Могу тебе сказать, что будет завтра, — продолжал Олег. — Завтра тебя вызовет директор, это — сто процентов. Он у нас товарищ дипломатический, кстати, работал сколько-то лет за границей, во Внешторге. Вообще мужик толковый, но конфликтов не любит, и я не удивлюсь, если он вежливо прикроет спектакль...

— Но почему же, за что? — спросил Геннадий, на секунду оторвавшись от книги.

— А потому, что ты не понравился хозяйке.

— Кому это? Арсеньевой? Я ей понравился.

— Ну, ты самонадеянный парень! — рассердился Олег.

— Слушай, я же так есть хочу, где твоя утка с яблоками? — сказал Геннадий.

— Ты почти угадал! — с живостью отозвался Олег. — Индейка! — И побежал на кухню.

Геннадий отложил книгу, отправился за ним.

И здесь, на кухне, все дышало благоустроенностью и уютом, и дело спорилось в быстрых руках Олега: тарелки, вилки, ножи, наконец, обещанная индейка...

— Вот только хлеба нет. Девочки принесут. Ешь. Погоди, что мы пьем? Виски сюда не идет. Вино?

— Потом.

— Давай потом. Я тоже сяду.

— С Аней почему разошлись, если не секрет? — вдруг спросил Геннадий.

— Черт его знает. Какой-то четкой причины вроде и не было. Так, постепенно. Я уехал, она осталась.

— Тебя ведь женщины любят, да?

— Не знаю. Вроде, — сказал Олег. И посмотрел на Геннадия. — А это что, плохо?

— Да нет, хорошо... А ты мог бы себя представить в положении, когда ты любишь, а тебя — нет? Было с тобой так?

— Ну, естественно, — слишком легко ответил Олег и спохватился: — Все зависит от градуса... Ты что-то конкретно имеешь в виду?

— Ну, если такой градус, что человек ходит за женщиной по пятам, говорит ей жалкие слова, не понимает, дурак, что себе же делает хуже, потому что как раз слабости женщины нам не прощают.

— Ты к чему это?

— Так, вообще.

— Этот человек — кто? Ты?

— Да нет, зачем же. Треплев!

— Ты что, смеешься?

— Слушай, ты отличный парень! — сказал с чувством Геннадий. — Я ведь тебя раньше не знал по-настоящему... Ты просто замечательный парень! Позвал меня утешать! И, главное дело, утешил! Индейка замечательная!

— Серьезно?

— Да.

— Подожди, еще пирог будет, вот девочки придут.

— Не надо никакого пирога. — Геннадий поднялся, Олег пошел за ним в комнату. — Все будет нормально, Олежка! Сделаем гениальный спектакль — всех сразу успокоим!

— Слушай, я ведь тебя тоже не знал! — воскликнул Олег. — Ты просто... Ну не то что самонадеянный... У тебя нет чувства опасности, да? Просто отсутствует как таковое?

— Может быть, — сказал Геннадий, и Олег с изумлением увидел, что он снимает с вешалки куртку.

— Ты куда это?

— Я пойду.

— Подожди, как это ты пойдешь? Почему?

— Пойду, Олежка, в гостиницу, спасибо тебе.

— Они ж едут, обе!

— Ну, передашь им привет. Посидите.

— Слушай, но так же не делают, подожди! — всерьез рассердился Олег.

— Да нет, Олежка, все нормально. Спасибо тебе. — Геннадий, одетый, стоял у двери. — Ты, слушай, не опаздывай на репетиции, я тебя прошу. — Кивнул и ушел.

Две девушки встретились ему внизу, у лифта. Одна из них несла сумку — по всей вероятности, хлеб...

Репетировали сцену из второго акта.

«Треплев (входит без шляпы, с ружьем и с убитой чайкой).

Вы одни здесь?

Нина. Одна. (Треплев кладет у ее ног чайку.) Что это значит?

Треплев. Я имел подлость убить сегодня эту чайку. Кладу у ваших ног.

Нина. Что с вами? (Поднимает чайку и глядит на нее.)

Треплев (после паузы). Скоро таким же образом я убью самого себя.

Нина. Я вас не узнаю.

Треплев. Да, после того, как я перестал узнавать вас. Вы

изменились ко мне, ваш взгляд холоден, мое присутствие стесняет вас.

Нина. В последнее время вы стали раздражительны, выражаетесь все непонятно, какими-то символами. И вот эта чайка тоже, по-видимому, символ, но, простите, я не понимаю... (Кладет чайку на скамью.) Я слишком проста, чтобы понимать вас.

Треплев. Это началось с того вечера, когда так глупо провалилась моя пьеса. Женщины не прощают неуспеха. Я все сжег, все до последнего клочка. Если бы вы знали, как я несчастлив!..»

Алла Сабурова и Олег Зуев стояли на сцене одни. Геннадий курсировал между залом и сценой, говоря:

— Двигайтесь, Алла Романовна, не стойте! Положила чайку на скамью и пошла, он — за вами! «Я слишком проста, чтобы понимать вас!» Возьмите что-нибудь в руки — платок, тряпку. Чайка! Положила ее брезгливо! Какой-то символ, ну его! Все это уже не интересно! Вот сейчас появится настоящий писатель, знаменитость. А тут эти неудачники, путаются под ногами!

— Так примитивно?

— Вот именно, примитивно. Женщины не любят неудачников. Им подавай успех... Давайте снова: «Что с вами?» И никакого сочувствия, одно раздражение: ходит там чего-то, канючит.

— «Что с вами?» — сыграла Алла.

— Вот правильно! Видите как. И бог вас еще накажет за это. Все ваши страдания, то, что вас ждет впереди, — это вам за Треплева, за его слезы!

— Вы так понимаете?

— Так понимаю. Но для этого надо, Олег Петрович, чтобы было и чувство настоящее и талант. Не надо играть неврастеника. Он нормальный человек, несчастливый, с этой матерью, от которой он зависит. В деревне, в глуши, без денег, без видов на будущее. Вы подумайте, у него даже костюма нет приличного, не в чем поехать в город. И при том, что он лучше и талантливее их всех!

Геннадий в очередной раз прыгнул со сцены в зал, сел в первое попавшееся кресло, махнул рукой актерам, чтобы продолжали, и тут же к нему подошла женщина — очевидно, из дирекции, секретарь — и шепнула на ухо:

— Вас просит Евгений Иванович. Он у себя.

На сцене Треплев и Нина продолжали свой мучительный диалог.

— «Вы презириаете мое вдохновение, — говорил он, идя за нею, — уже считаете меня заурядным, ничтожным, каких много... Вот он идет, истинный талант, ступает, как Гамлет, и тоже с книжкой...». Истинный талант, где вы там? — позвал Олег. — Тригорин!

— Я здесь! — откликнулся из зала Павел Афанасьевич Платонов, Павлик, как его все здесь называли, и быстро, по-мальчи-

шески, хотя был уже далеко не молод, поскакал на сцену. — Прошу прощения! Откуда я выхожу? Отсюда?

И сразу же преобразившись, совсем другим шагом, держа перед глазами ладонь — воображаемую книжку, вышел из кулисы.

— «Слова, слова, слова...» — сказал иронически в его адрес Олег Зуев — Треплев. — Это солнце еще не подошло к вам, а вы уже улыбаетесь, взгляд ваш растаял в его лучах. Не стану мешать вам...».

— погоди! Ты еще не уходишь! — остановил его Геннадий. — Нина, Тригорин, продолжайте!

— «Здравствуйте, Борис Алексеевич», — сказала Нина.

— Тут ремарка: «Уходит быстро», — напомнил Олег.

— Никуда не уходишь! Стоишь!

— «Здравствуйте, — произнес Тригорин. — Обстоятельства неожиданно сложились так, что, кажется, мы сегодня уезжаем. Мы с вами едва ли еще увидимся когда-нибудь. А жаль...».

— Стой, не двигайся! — крикнул Геннадий Треплеву — Олегу. — Не можешь уйти! Должен испить эту чашу!

— Подслушиваю, что ли?

— Подслушиваешь!

— Интересно, — заметил Олег.

— Тут все интересно! Мы ставим неразгаданную пьесу. Мы ее разгадываем! Где ты стоишь?

— Я стою здесь.

— Отступи немного.

— Они меня видят.

— Они тебя не видят. Кто ты такой, чтоб тебя видеть? Стой себе на здоровье, унижайся. «Здравствуйте, Борис Алексеевич». И пошло дальше... Павел Афанасьевич, следующий раз прошу вас прийти на репетицию в нормальном костюме. Мне мешает этот ваш свитер с оленями... Дальше! Какой там у вас текст?..

Евгений Иванович, директор театра, мужчина средних лет, аккуратный, при галстуке, в отделанном деревом кабинете, внимательный и спокойный, как министр, поднялся из-за стола для рукопожатия, предложил гостю кресло, боржом и сигареты:

— Прошу вас. — И перешел к делу: — Геннадий Максимович, я оторвал вас от репетиции, прошу извинения, но надо выяснить ряд вопросов. Во-первых, как у нас с «Чайкой»? Я что-то стал думать: а нужен ли нам сейчас этот спектакль?

Лицо Геннадия оставалось невозмутимым; не последовало никакой реакции, но реакцию можно было предположить, и директор продолжал тихим голосом, у него был тихий голос человека, которого слышно и так:

— Прошу понять правильно: речь идет ни в коем случае не о вас и не о нашем альянсе. Более того, есть пьеса, которую мы бы сейчас вам охотно предложили. Нашего местного автора, инженера... — Папка с рукописью лежала в ящике стола. Евгений Иванович извлек ее и протянул Геннадия.

Вошел Николай Александрович, главный режиссер. Он был, по-видимому, в курсе дела.

— Это терпит? — спросил Геннадий, осторожно взяв папку.

— В каком смысле? — спросил директор.

— У нас сейчас довольно напряженный график.

— Вы меня, видимо, не поняли, — с удивлением проговорил директор и посмотрел на Николая Александровича. — Речь идет о том, чтобы, собственно говоря...

— Вам нужна актуальная пьеса. Я думаю, что «Чайка» в этом отношении как раз подходит, — бодро сказал Геннадий. — Николай Александрович подтвердит. Мы, тем более, поставим ее современно, в духе сегодняшнего дня.

Николай Александрович промолчал.

— Вы думаете, это будет правильно? — спросил озабоченно директор.

— Что именно?

— В духе сегодняшнего дня.

— Ну, не в прямом смысле, — быстро нашелся Геннадий.

— А в каком? Вы хотите нам сказать, что все эти декаденты и модернисты, что они и есть новаторы, а реалистическое направление себя изжило... А? Не попадем мы с вами?

— Куда?

— Ну, не в тюрьму, конечно. В газету. Тоже мало радости. Тем более, эти модернисты известно кому служат в нашу эпоху. А? — Евгений Иванович выразительно посмотрел на Геннадия. — Так что, знаете, дело такое, что еще подумать надо... Не заблудиться бы нам! — И он посмеялся.

— Ну что вы, Евгений Иванович, — солидарно посмеялся в ответ Геннадий. — Не заблудимся. Я, во-первых, рассчитываю на ваши советы. И потом, ведь актеры у нас сейчас такие — не дадут заблудиться. Одно только участие Зинаиды Николаевны уже гарантия...

Директор сосредоточенно тер лоб. На лице его выражалось крайнее недоумение. Он посмотрел на Николая Александровича, тот что-то чертил карандашом, не поднимая глаз.

— Но подождите, а при чем тут Зинаида Николаевна? Разве она у вас еще занята?

— Безусловно.

— Каким же образом? Я что-то не понимаю.

— Она репетирует Аркадину.

— Репетирует? Вы уверены?

— Конечно. — Геннадий встал, подводя итог разговору.

— Ну смотрите, — пожал плечами директор. И снова удивился: — Куда же вы?

— У меня репетиция.

Директор нажал кнопку селектора. Послышались голоса со сцены: реплика Нины, реплика Тригорина. Директор послушал и сказал вяло:

— Ну идите.

В актерской раздевалке Олег, прибежавший откуда-то, настиг Геннадия:

— Ну что?

— А именно?

— Чем кончилось?

— Все в порядке. Беги.

— Беги, — сказал Олег. — С этим юбилеем!.. Видишь, что делается. — Мимо них только что пронесли корзину цветов. — Она уже здесь с двух часов, всех задергала, сам представляешь...

Геннадий посмотрел вслед корзине. Несли уже и вторую...

— Кстати, хочу тебя просить, — сказал Олег, — если я тебе не очень нужен завтра и, может быть, еще день в конце недели — у меня там запись на радио. «Герой нашего времени». Взяли, черти, дневную смену...

— Хорошо, — сказал Геннадий нетерпеливо, хотя, судя по всему, никуда не торопился. Торопился Олег.

Они попрощались за руку. Олег спросил, убегая:

— Ты ждешь кого-то?

Геннадий, уже одетый, постоял с минуту в размышлении, затем разделся, повесил куртку и — уже решительным шагом, не останавливаясь — направился в глубь театра, по лестницам и коридорам.

— Кто там? Входите? — откликнулась из-за двери Зинаида Николаевна Арсеньева.

Она сидела за столиком у себя в актерской уборной, среди фотографий и афиш. Геннадий вошел. Она увидела его в зеркало.

— Вы?

— Я... Вы хотели меня видеть.

— Кто вам сказал?

— Так мне показалось.

— Нет, голубчик, это ошибка, — сказала с милостивой улыбкой Арсеньева. — Видеть вас я не хотела, да и не время сегодня, так что, пожалуйста...

«Пожалуйста» означало «уходите», но Геннадий спокойно придвинул к себе свободный стул, сел за ее спиной.

— За что вы меня невзлюбили, Зинаида Николаевна?

Она не успела отреагировать: открылась дверь, две женщины-билетерши стали вносить корзину цветов.

— Зачем это? — обернулась к ним Арсеньева. — Кто вам сказал — сюда цветы? К Якову Гавриловичу, все к Якову Гавриловичу! Ну что вы стоите, я же вам сказала!

Женщины полятились, корзина застряла в узком проеме двери, Геннадий вскочил и помог ее вынести. Вернулся.

— Спасибо, голубчик, — сказала ему Арсеньева. — И, право же, отложим этот разговор, если он вообще имеет смысл. Давайте.

— И все-таки, — сказал Геннадий, устроившись на прежнем стуле.

Она наконец повернулась к нему от зеркала.

— Что — все-таки? Милый мой, ну не надо же, я так не люблю выяснять отношения. «Взлюбила — невзлюбила» — в моем возрасте уже не играют в эти игры.

— А какой ваш возраст? Сколько вам? — спросил Геннадий.

Она опять удивилась, и было чему удивиться. Оглядела его с ног до головы. И сказала вдруг весело:

— А вам какое дело? Все мои!

Потом спросила, продолжая смотреть на него:

— Это вы так невоспитанны или играете протаска?

— Невоспитан, — сказал Геннадий. — Послушайте, Зинаида Николаевна, я сейчас уйду, вы только скажите мне, что вы согласны играть у меня в спектакле!

— Да нет, милый, это уже решенный вопрос, не будем к нему возвращаться.

— Но я не согласен. Вы мне очень нужны. Вы даже не представляете, как вы мне нужны. Это будет лучшая ваша роль, я обещаю! Она засмеялась.

— Вы мне даже нравитесь, честное слово! Такое самомнение! — Она смотрела на него с интересом, сочувствием. — Голубчик, я вас понимаю. Вы молоды, у вас переломный момент в жизни, от вас ушла жена, в московском театре вы не прижились, что-то там не сложилось, теперь вы у нас, и все поставлено на карту... Видите, все про вас известно, это же театр!.. Но, честное слово, при чем же здесь я, ну мне решительно не хочется у вас играть, вы мне неинтересны, роль тоже, я такое уже играла. Возьмите вон Карелину, она прекрасно вам сыграет, еще спасибо скажет, что заняли в репертуаре... Что вы так смотрите?

— Вот так, вот так бы сыграть Аркадину! — пробормотал Геннадий, не отрывая взгляда, откровенно любуясь ею сейчас. — Послушайте! Я готов пригласить вашего мужа, я дам ему роль Дорна! Все, решено! Соглашайтесь!

— А при чем тут мой муж?

— Ну, если это ваше условие.

— Кто вам сказал?.. О, эти наши несчастные бабы с неустроенной судьбой! — усмехнулась Арсеньева. — Они когда видят семейную пару, у них портится настроение, им все мерещится за этим что-то ненормальное!.. Да если бы я хотела устроить карьеру моему мужу, поверьте, я бы это сумела сделать без вашей помощи, но у меня нет таких целей, и меня вполне устраивает мой муж, Владислав Павлович, в том качестве, в каком он есть. Два великих артиста на одну семью — это уже почти катастрофа. И вообще, между нами говоря, мужчина-актер... Тут уж надо выбирать что-то одно: либо актер, либо мужчина. А иначе получается Павлик Платонов... — И Зинаида Николаевна зло усмехнулась. — Подождите, я занята! — крикнула она кому-то приоткрывшему дверь.

Геннадий глядел на нее завороченно.

— Что? — спросила она. — Актеры — народ злой, вы учтите. То есть, может, в жизни и добрый, поделится последним, а в театре... Это наша самозащита, дорогой Геннадий, как вас, все забываю. А как иначе? Мы же люди зависимые. Попробуй тут с вами быть мягким... — И она теперь очаровательно улыбнулась, будто демонстрируя эту самую беззащитность.

— Видите, как точно! — сказал Геннадий. — Вы говорите и слушаете себя, да? Вот тут я очаровательна. А тут я цинична...

— Что вы мелете? — рассердилась Арсеньева.

— А тут вы рассердились!.. Зинаида Николаевна, умоляю вас, умоляю — не уходите, оставайтесь у меня в спектакле! Хотите, стану перед вами на колени!

— Хочу!

И Геннадий, недолго думая, опустился на колени.

— Сейчас сюда войдут, — сказала Арсеньева.

— Пускай!

— Кроме шуток. Войдет костюмерша... Ну встаньте же, глупый мальчишка, вот еще!

— Дайте мне слово!

— Да вы с ума сошли, встаньте, я сейчас уйду!

— Нет!

— Что — нет?

— Не встану, пока не дадите слово.

— Какое слово?

— Что вы остаетесь.

— Да нет же!

— Да, да!

И тут, с платьем на плечиках, вошла костюмерша. И отступила.

— Вот видите! — сказала Арсеньева.

Он встал.

— Я только не пойму, это у вас простодушие или наглость? — Она смотрела на него пристально. — Вы далеко пойдете!

— Постараюсь.

— Пожалуйста! — Она указала на дверь.

— Ухожу, — сказал Геннадий.

И дальше был юбилей.

Зинаида Николаевна в кожаной куртке Комиссара из «Оптимистической трагедии» стояла перед строем актеров, одетых матросами, и они отвечали ей:

— Здрасс-сс!

А она говорила:

— Плохо. Еще раз — здравствуйте, товарищи.

И они повторяли:

— Здрасс-сс!

И еще раз:

— Здрасс-сс!

Ее обступили, появились двое с гитарами, хор запел.

«Вы ничуть не стали старше,
Объясните, в чем секрет, —
Так мы скажем юбилярше
Через восемьдесят лет!» —
под бурные аплодисменты зала.

В этот вечер Геннадий переехал в актерское общежитие.

Он открыл ключом комнату, одну из многих в полутемном коридоре; нашел рукой выключатель, зажег свет, поставил у двери портфель и связку книг. Здесь кто-то жил до него: остались две старые афиши на стенах, стопка иллюстрированных журналов на столе, тарелка, граненые стаканы. Геннадий попробовал рукой стул, прежде чем сесть на него, потом таким же образом проверил кровать, точнее — старый лежак, покрытый казенным одеялом, с комплектом белья в изголовье. В шкафу, который он затем обследовал, нашлась начатая пачка чая и несколько пустых бутылок.

Из-за двери послышались голоса, шаги; потом кто-то постучал.

— Добрый вечер! — На пороге стояли Павел Афанасьевич Платонов, Павлик, и его жена Нюся, оба с выражением благожелательности и ласки и, кажется, чуть навеселе. — Вы уже здесь. Это хорошо. А мы ваши соседи. Милости просим. Через две комнаты. Ваша восьмая, а наша одиннадцатая. Вы как? Еще не расположились? Ну-ка, Нюся, помоги!

— Ничего, я сам, — сказал Геннадий.

— Тут, видите, жил до вас такой Юркин, уехал в Симферополь.

— После Юркина еще Виталий, — сказала Нюся.

— Правильно, Виталий. Все наши бывшие актеры. Ну ничего, мы тут живо приведем в христианский вид. А пока, пожалуйста, к нам!

— Да нет, спасибо.

— У нас компания. Был в театре банкет у Зинаиды Николаевны. Разошлись. Спать вроде рано еще...

— Ну что ты, ей-богу, — одернула мужа Нюся. — Человек хочет побыть один... Может, вам чаю сюда?

— Да нет, не стоит. Завтра.

— А то смотрите, — сказал Павлик.

— Спасибо. Спокойной ночи.

Выпроводив гостей, Геннадий стал располагаться: выгрузил содержимое портфеля, расстелил постель, удобно примостил над ней настольную лампу. Томик Чехова был уже здесь, на стуле.

Минуту спустя намерения его изменились. Он встал, обулся, надел пиджак и отправился к соседям...

Стук его не сразу расслышали: в комнате номер одиннадцать, у Павлика и Нюси, было шумно — видимо, говорили все разом. Наконец кто-то отозвался, открыл дверь, и Геннадий оказался в веселой компании, пребывающей уже на том градусе общения, когда приход нового человека не производит большого впечатления. Впрочем, застолье еще не началось, только готовилось: женщины — Нюся и Галя-помреж — накрывали на стол.

— Пожалуйста! Просим! — говорил Павлик по праву хозяина дома. — Вы тут всех знаете. А это Коля Князев, наш артист. Он сей-

час больше в отсутствии, снимается в кино. Видели «Ночной пароль»? Или вы кино не смотрите?

— Не смотрю. Я видел вас в спектакле, в «Волках и овцах», — сказал Князеву Геннадий, но от комментариев воздержался.

— ...Галю нашу вы знаете, — продолжал Павлик. — А это Саша, наш болельщик, поклонник, как тебя правильно назвать, Саша?

— Я схожу, — сказал Саша.

— Да хватит здесь, — сказал Князев, оценив взглядом стол. — Сиди. — Объяснил Геннадию: — Вот прихватили, видите, кое-что с банкета, не пропадать же добру!..

Князеву было лет сорок. В «Ночном пароле» он наверняка играл мужественного майора милиции. Сейчас он сидел рядом с Геннадием, и тот беззастенчиво разглядывал его.

— А вы что же не были на банкете? — спросил Князев. — Жаль. Очень мило посидели. Но в одиннадцать — все. У нее режим.

— Зинаида Николаевна спрашивала про вас, — вмешалась в разговор Галя.

— Когда?

— А вот вечером.

— Она знает, что завтра репетиция?

— Да, но... — сказала Галя.

— Знает или нет?

— Знает.

Между тем приготовления были закончены. Павлик занял свое законное место во главе стола. Начиналось обычное общежитское застолье с разнокалиберными тарелками и стаканами и одним ножом на всех, со случайной снедью, как видно, действительно перекочевавшей сюда с банкета... Пришли еще гости: пожилой актер и его жена, со своими стульями...

— Товарищи! — Павлик приступал к своим обязанностям. — Прошу внимания! Товарищ Князев, минуточку! Прежде чем набрасываться на закуску! Искусство, товарищи, в настоящее время играет исключительно важную роль, и то, что вы сегодня здесь и то, что вы так дружно меня чествуете и так любите меня...

Все уже поняли, кого изображает Павлик. И выражение лица, и голос с высокими и низкими нотами, с шумным придыханием между словами, — все напоминало Арсеньеву.

— Спасибо, друзья! Ах, эти цветы! Ах, эти милые лица представителей подшефных предприятий и детских садов, мой родной комбинат бытового обслуживания, мое родное отделение милиции и отделение связи! Низкий вам поклон!..

Уже не слушали, смеялись, говорили все разом, каждый свое. Нюся ухаживала за Геннадием, подкладывая ему то салата, то ветчины в неприличном количестве, простодушно намекая тем самым, что он, вероятно, не ел со вчерашнего вечера.

— Ешьте, пожалуйста, тут все свежее... Вам не скучно у нас?

— Нет-нет, — отвечал Геннадий. — Спасибо, хватит. — И ел. Его все еще интересовал Князев.

— Где же вы теперь снимаетесь?

— В Ленинграде.

— Ездите?

— Езжу.

— Роль хорошая?

— Ничего.

— Майор милиции?

— Капитан. Дальнего плавания.

— И сколько вам еще сниматься?

— Вы мне хотели предложить роль? — с долей снисходительности, полушутя (это у него получалось) отвечал Князев.

— Я не люблю, когда актеры разъезжают, — сказал Геннадий.

Опять возникла Нюся:

— А вы ничего не пьете!

— Пью, почему же.

Павлик еще «держал площадку»:

— Вы достаточно известны, чтобы вам завидовали, и недостаточно знамениты, чтобы преклонялись! — говорил он, опять кого-то избображая.

— Дурака валяет, — объяснила Нюся. — У самого, между прочим, в январе юбилей. Круглая дата. Директор квартиру обещает... Вы к нам, пожалуйста, завтракать приходите...

Потом, когда застолье распалось, Павлик, подсев к Геннадию, рассказывал ему о Нюсе:

— Я ведь, грешный человек, женат был неоднократно, а если точнее, как говорится, не для печати, то Нюська у меня — четвертая, даже, можно сказать, пятая. Не смейтесь, тут с одной из них мы не были расписаны, поэтому такая путаница в счете. Сказать, что не везло? Да нет. Каждый раз женился по любви, раскодились по необходимости. Одна из моих жен, бывших, и сейчас в театре. А кто — не скажу. Догадаетесь — хорошо... Детей произвел на свет немного. Двоих. Оба хорошие. Парень — на флоте. Капитан-лейтенант... С Нюской-то как получилось? Пожалел я ее, она меня, потом опять я, в общем, друг друга. Без меня ей, честно говоря, не светило. Ну и получился в результате счастливый брак, можешь себе представить. Только уж детей — поздно. Умру — куда она с ребенком... А у тебя дети есть?

— Сын.

— Большой?

— Четыре года.

— Где они у тебя?

— В Москве.

— А говорили — в Ленинграде. Тут черт-те чего наговорят. Театр!.. В Ленинграде, и она, мол, от него ушла.

— Это правда, — сказал Геннадий.

— Ушла?

— Да.

— Ты или она?... Ну ладно, не будем об этом... У тебя налито? Даяй... Ничего, что на «ты»?

— В самый раз.

— Сам-то откуда родом?

— Да не поймешь. Рожден в Вологде, детство в Берлине, школа в Новосибирске, ну и так далее.

— Отец военный?

— Да.

— А говорили — актер.

— Павлик, хватит тебе, что за вопрос такой, — вмешалась Нюся. — Вы не обращайте внимания, Геннадий Максимович, у него иногда, знаете, развязывается язык.

— У меня тоже. Иногда, — сказал Геннадий.

— Не замечала.

— Вот правильно, — сказал Павлик. — Боюсь молчаливых людей. Кажется, что они что-то знают про вас и не говорят. Это из какой пьесы? Не помню уже. Из какой это, Нюся?

— Да ну тебя!

— Отец у меня военный, — сказал Геннадий. — Где-то еще жив, у него другая семья... Когда-то на каникулы привез меня в Москву, пошли с ним в театр. «Сирано де Бержерак»... Ничего лучшего в своей жизни не видел. Как сон, как волшебство какое-то! Там где-то гарнизон, блочные дома, детишки, офицерские жены, пыль, скука... А здесь — черт возьми! «Забыть об истине, звучащей благородно?» — продекламировал он. — Помнишь, нет? Не играл?

— Играл, — сказал Павлик. — Я все играл. Но спектакль был так себе.

— Ничего! Поставим заново! — подмигнул Павлику Геннадий. — А?

И, не смущаясь тем, что все давно примолкли и слушают их разговор и смотрят, — он заговорил стихами, все громче и громче, уже для всех:

«Забыть об истине, звучащей благородно,
Не смелым быть орлом, но — низким червяком,
И пробираться хитростью, ползком
Там, где хотел бы вверх лететь свободно?
О, нет! Благодарю! — Дрожать и спину гнуть,
Избрав хоть низменный, зато удобный путь?
О, нет! Благодарю! — Зависеть от каприза
Барона старого, от печени маркиза,
От тех и от других? О, нет! Благодарю!»

— Bravo! — Все зааплодировали.

— Можно выпить за ваше здоровье? — сказал с чувством поклонник Саша, и его поддержали, стали чокаяться, и сам Геннадий неузнаваемо повеселел:

— Можно! Будем здоровы! За Сирано де Бержерака! Ура! — И протягивал бокал, целовался с Нюсей, хлопал по спине Павлика и давал себя хлопать, словом, вел себя как после хорошей дозы спиртного, пока вдруг Павлик не обратил внимания на его бокал.

— Вы что, не пьете?

Геннадий приложил палец к губам.

Павлик кивнул сочувственно.

— Да нет, Павел Афанасьевич, — засмеялся Геннадий. — Просто не пью. Считаю лишним.

Шла репетиция. Геннадий говорил, стоя у сцены.

— Раньше, в прошлые времена, искусство было делом рук избранных. Аристократов. Не обязательно аристократов по крови, это мог быть крепостной актер Шепкин или сын лавочника Чехов. Но люди эти, становясь художниками, должны были возвыситься

духовно. Уровень — он был необходим! Сейчас смотришь какую-нибудь современную пьесу — впечатление, что не сын лавочника, а сам лавочник это писал. Вот разница...

Он сел, предоставив актерам играть сцену. Алла Сабурова и Павлик Платонов — уже другой Павлик, сменивший свитер с оленями на парадный костюм и галстук, — начали:

«Н и н а. Чудный мир! Как я завидую вам, если бы вы знали! Жребий людей различен. Одни едва влачат свое скучное, незаметное существование, все похожие друг на друга, все несчастные; другим же, как, например, вам, — вы один из миллионов, — выпала на долю жизнь интересная, светлая, полная значения... Вы счастливы...

Т р и г о р и н. Я? (Пожимая плечами.) Гм... Вы вот говорите об известности, о счастье, о какой-то светлой, интересной жизни, а для меня все эти хорошие слова, простите, все равно что мармелад, которого я никогда не ем. Вы очень молоды и очень добры».

— Посмотрел на часы, — сказал из зала Геннадий. — Но... что-то держит вас, да?

— Она! — сказал Павлик.

— Правильно, она. Разговор — сам по себе. Это слова. Их не надо играть. Говорите их. А играйте — паузы, можете так?

Алла сделала несколько комичных движений в сторону партнера. Павлик немедленно подыграл ей.

— Это я его ловлю, — объяснила Алла.

— Ловите! Вы почти угадали! — обрадовался Геннадий. — Он все время уходит, его надо ловить! Видели когда-нибудь неувловимых людей?.. — Геннадий взбежал на сцену, взял под руку Павлика. — Вот идите со мной. Пошли!.. У меня мастер был в институте. Известный режиссер. Чтобы с ним поговорить, надо его сопровождать, он не останавливается.

Они с Павлом Афанасьевичем показали, как это происходит. Все смеялись.

— Это кто же такой? — спросили из зала.

— Ну вот, все доложи вам! — сказал Геннадий. — И он всегда усталый. Проснулся усталым. Родился усталым. Так ему легче жить!.. Давайте дальше.

Актеры сыграли:

«Н и н а. Простите, я отказываюсь понимать вас. Вы просто избалованы успехом.

Т р и г о р и н. Каким успехом? Я никогда не нравился себе. Я не люблю себя как писателя... Я люблю вот эту воду, деревья, небо, я чувствую природу, она возбуждает во мне страсть, непреодолимое желание писать. Но ведь я не пейзажист только, я ведь еще гражданин, я люблю родину, народ...»

— Минуточку! — вмешался Геннадий. — Это ваша исповедь, Павел Афанасьевич! Это ваша боль! «Я люблю родину, народ, я

чувствую, что если я писатель, то я обязан говорить о народе, об его страданиях, об его будущем...».

— «Говорить о науке», — подсказала помреж Галя.

— «Говорить о науке, — продолжал Геннадий, — о правах человека и прочее и прочее, и я говорю обо всем, тороплюсь... жизнь и наука все уходят вперед и вперед, а я все отстаю и отстаю, как мужик, опоздавший на поезд...».

Все слушали молча. Геннадий продолжал:

— Тут нет положительных и отрицательных, запомните это! Это люди с обнаженными душами, вот что важно. Они нам протягивают руки. Почему мы сегодня ставим «Чайку»? Чтобы заглянуть в себя. Без этого нет человеческой личности, а если нет личности, то нет и общества...

Он остановился, будто потерял вдруг нить разговора, поглядел с удивлением по сторонам. В зале, на сцене, молча слушали его.

— Так. Что там дальше? Третий акт. Сцена Аркадиной с сыном. Зинаида Николаевна здесь?

Зинаида Николаевна Арсеньева, к общему удивлению, оказавшаяся в зале, спокойно, деловито — тоже к общему удивлению — поднялась на сцену с тетрадкой в руке.

— Павел Афанасьевич, останьтесь, — сказал Геннадий. — Давайте вашу сцену.

— Сейчас Треплев, — сказал Павел Афанасьевич.

— Я его отпустил, — сказал Геннадий.

— Я здесь! — Олег Зуев, только что появившийся, быстрым шагом через весь зал направился к сцене.

— Я вас отпустил, — повторил Геннадий.

— Вы меня отпустили вчера! — Олег остановился в удивлении.

— И сегодня тоже, — сказал Геннадий. — Прошу! Павел Афанасьевич! С книгой! «Страница сто двадцать первая»...

Актеры сыграли:

«Тригорин (ищет в книжке). Страница 121... строки 11 и 12... Вот... (Читает.) «Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее».

Аркадина (поглядев на часы). Скоро лошадей подадут.

Тригорин (про себя). Если тебе когда-нибудь понадобится моя жизнь, то приди и возьми ее... (Аркадиной.) Останемся еще на один день!»

— Как вы реагируете на эту просьбу, Зинаида Николаевна? — спросил Геннадий.

— Мотаю головой.

— Капризный ребенок, да? А вы что на это, Павел Афанасьевич?

— Еще раз ее прошу: «Останемся».

— Попросите!

— «Останемся!» — тоном капризного ребенка произнес Павлик. И еще раз, уже совсем утрируя:

— «Останемся!»

В зале смеялись.

— «Останемся!» — в третий раз, ободряемый залом, произнес Павлик.

После репетиции, как обычно, толпились в раздевалке, спешили, начиналась другая жизнь. Как всегда, мчался куда-то Олег Зуев. Впрочем, увидев Геннадия, он вовремя притормозил.

— Вы мне ничего не хотите сказать?

На что Геннадий только пожал плечами.

На что, в свою очередь, Олег сказал:

— Странно...

И удалился, потому что все-таки спешил.

Медленно одевалась Арсеньева. Полагалось, вероятно, подать ей пальто. Она смотрела на Геннадия. Ни слова — ни о чем. Оделась, кивнула, ушла.

Алла Сабурова была, напротив, весела и приветлива. Она шла к раздевалке в сопровождении администратора, Якова Гавриловича,

оживленно болтая. На этот раз никто ее не ждал. Она повесила на плечо сумку, другую взяла в руку. Увидела Геннадия.

— Вы идете?..

Вышли вдвоем на улицу. Пошли рядом. Разговор не клеился.

— Вам помочь?

— Нет... А вообще-то можно.

Он взял у нее сумку. Пошли дальше.

— А почему мы не разговариваем? — спросила она.

— Не знаю. Я как-то не умею с вами...

— Я тоже, — сказала она. — Вам куда?

— Все равно. А вам?

— Мне — вон. В этот дом.

— А кто там у вас живет?

— Химчистка.

— Ну, до свидания.

— До свидания.

— «Что же тут прекрасного и светлого, я вас спрашиваю? О, что за дикая жизнь!.. Когда кончаю работу, бегу в театр или удить рыбу; тут бы и отдохнуть, забыться, ах — нет, в голове уже ворочается тяжелое чугунное ядро — новый сюжет...» — читал по бумажке Николай Князев.

Они сидели в комнате Геннадия, в общежитии. Геннадий расположился на топчане, по-домашнему, в тренировочных брюках; Князев — за столом, со стаканом чая, тоже по-домашнему. И читал он интимно, не напрягаясь, как читают письмо. Но вот он остановился, поднял глаза в удивлении, словно только что постиг смысл прочитанного.

— Дальше, дальше, — сказал Геннадий.

И Князев продолжал:

— «...и уже таянет к столу, и надо спешить опять писать и писать. И так всегда, всегда, и нет мне покоя от самого себя, и я чувствую, что съедаю собственную жизнь, что для меда, который я отдаю кому-то в пространство, я обираю пыль с лучших своих цветов, рву самые цветы и топчу их корни. Разве я не сумасшедший?..»

Он замолк и уставился на Геннадия.

— Это же «Чайка», Тригорин!

— Да.

— Я думаю: что-то знакомое!.. Но это же... это же играет Павлик!

— Да. Но я подумал: что, если вам репетировать в очередь?

— Как?.. Нет, Геннадий, как вас по отчеству. Нет! — решительно сказал Князев.

— Это ваша роль.

— Это роль не моя.

— Ваша.

— Я вам повторяю: эта роль — не моя, — сказал с неприязнью Князев. — Это роль Павла Платонова. Вы слышите меня?

— Я-то вас слышу, вы меня не слышите. Я хочу попробовать другое решение. Этот человек должен вызывать сочувствие. Это вы и я, понимаете? В каждом из нас — Тригорин.

— Геннадий, как вас... — Князев поднялся. — Я не буду играть в очередь с Павликом. А тем более вместо него. Гуд бай!

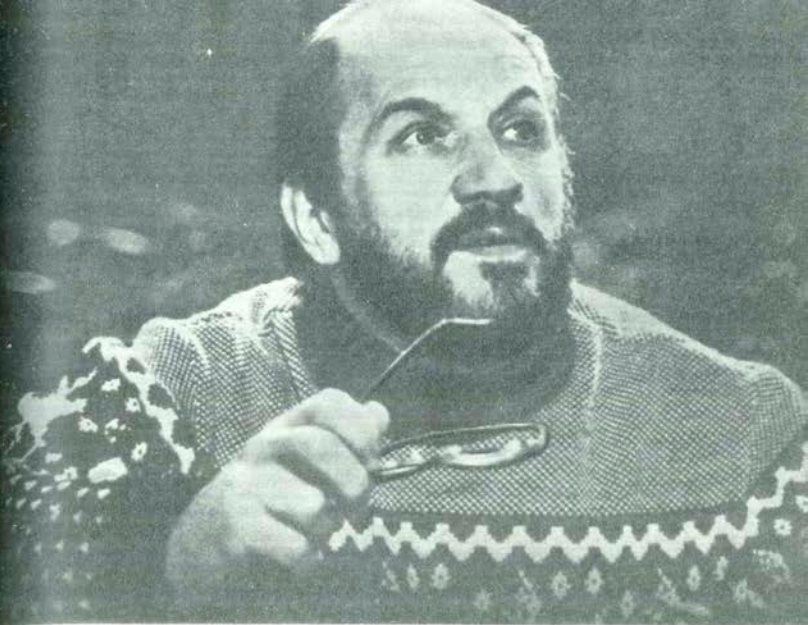
— Какой вы скучный человек, — сказал с грустью Геннадий. — Я говорю с вами о работе, о роли, а вы о чем? Подумайте, пожалуйста. До свидания...

В пустом зрительном зале гремел вальс — пробовали музыку к спектаклю. Геннадий со сцены, задржав голову, подавал знаки в радиобудку. Музыку вырубili, поставили другую — опять вальс, и еще в третий раз вальс, уже совсем иной, грустный.

На этом, кажется, остановились. Геннадий махнул радисту и прошел в глубину амфитеатра, в последние ряды. Здесь его ждал Павлик Платонов.

— Павел Афанасьевич, о чем я хотел поговорить, — сказал, подсаживаясь к нему, Геннадий. — Кстати, как вам вальс, последний?

— Хороший.

— Это Сибелиус. Замечательный вальс. Будет у нас в четвертом акте... Павел Афанасьевич, я думаю, признаться, уже о следующей работе. Как ваше настроение?

— В смысле? — спросил Павлик.

— Будем делать с вами «Сирано»?

— Ну почему же, — несколько растерялся Павлик. — А собственно...

— Вы ведь его играли, правда? Но это нам не помешает. И возраст ваш, я думаю, не помеха. Он, в конце концов, не мальчик. Сделаем Сирано совершенно нового, не будем клеить нос, будем играть его, а не показывать впрямую, как физическое уродство, не в этом же дело, верно? В общем, учите роль. Это ваше дело на все сто процентов. А жена ваша как... сыграет Роксану?

— Нет, — сказал Павлик.

— Почему?

— Потому что Роксана красивая, а моя жена не блещет красотой... Ну неважно. Что дальше? — вдруг спросил Павлик.

Появилась Нюся:

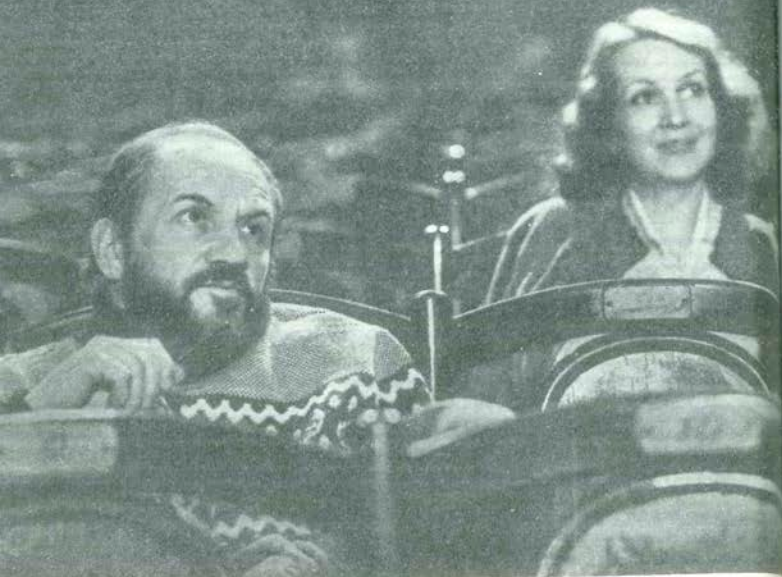
— Вы здесь?

Павлик остановил ее:

— Подожди меня там, внизу.

— Я пока заказ возьму, — сказала Нюся. — Деньги у тебя.

Павлик протянул ей кошелек. И стал пристально смотреть на Геннадия.

— Как я понимаю, ваше предложение насчет Сирано, — произнес он не сразу, — это, так сказать, первая половина разговора? Геннадий промолчал.

— Но мы вполне можем ее опустить, — продолжал Павлик. — Это совсем не обязательно. Я ведь от вас не требую никакой компенсации за роль Тригорина, которую вы хотите у меня отобрать... Я забыл вас предупредить: я ведь... это самое... иногда читаю мысли... Как это теперь называется, модное такое слово? В общем, отгадываю... Странно только, что вы ко мне — с таким сложным подходом. Даже Роксану отдаете моей Нюське. Просто благородный поступок с вашей стороны.

Опять включили музыку — нашли новый вальс. Геннадий направился к просцениуму, замахал рукой:

— Нет-нет! Оставим тот!

Павлик сидел на прежнем месте, вдруг сразу постаревший, без мальчишества и актерства, человек пожилого возраста, вероятнее всего, седой, а не просто светловолосый, каким он казался.

— Вот что, — сказал он Геннадии. — Не хочется вас просить, но обстоятельства, как говорится, сильнее нас... В общем, так: я заболеваю с завтрашнего дня, беру больничный — сердце там, печенка... Это и для вас будет удобнее, ну и для меня, само собой, поскольку юбилей в январе... Договорились так?... Нюська! — позвал он жену, услышав ее шаги. — Где ты там? Иди сюда! — И под-

нялся ей навстречу. — Послушай, что нам с тобой предлагают! Можно ей сказать, Геннадий Максимович? — Прежний Павлик, веселый, громогласный, простирал руки к своей Нюсе. — Нам с тобой предлагают «Сирано»! Ты — Роксана! Ну-ка! Да стань же рядом, брось свою авоську. Роксана с авоськами не ходила!

И он продекламировал на весь зал:

«Пусть лучше беден я, пускай я буду нищим, —
Довольствуюсь своим убогим я жилищем:
Я в нем не уступлю, поверь, и королю, —
В нем я дышу, живу, пишу, творю, люблю!»

И вместе с Нюсей — Роксаной, сцепив пальцы, гордо воздев руки — ее и свою — удалился...

— Мама!.. Все прекрасно! — говорил Геннадий, прижав к уху трубку в тесной кабине междугородного автомата. — У нас тут снег, не знаю почему!.. Да нет, на мне же свитер, тепло!.. Язва не мучит, ничего не мучит! А ты-то как?.. Послушай, у меня тут получается несколько выходных подряд, так что не исключено, что приеду!.. Мне никто не звонил?.. Никто? Ну, ладно, все, мамочка, у меня последняя монетка. Бегу на репетицию. Целую тебя, мамуля!..

Он вышел на улицу с улыбкой, еще не успевшей сойти с лица. Поднял воротник, закрываясь от снега. Пошел к остановке автобуса.

Мело. Начиналась зима.

Он шел от раздевалки в закулисную часть и оттуда на сцену в сопровождении помрежа Гали.

— Заболел, — говорила Галя. — Приступ сердечный. Вот только утром. Жена звонила, Нюся...

— А где она?

— С ним, очевидно.

— Как — с ним? Вы ей назначали на сегодня репетицию?

— Она с ним, Геннадий Максимович, — повторила Галя.

— А кто есть из актеров?

— Пока никого. Зуев Олег здесь где-то, я видела.

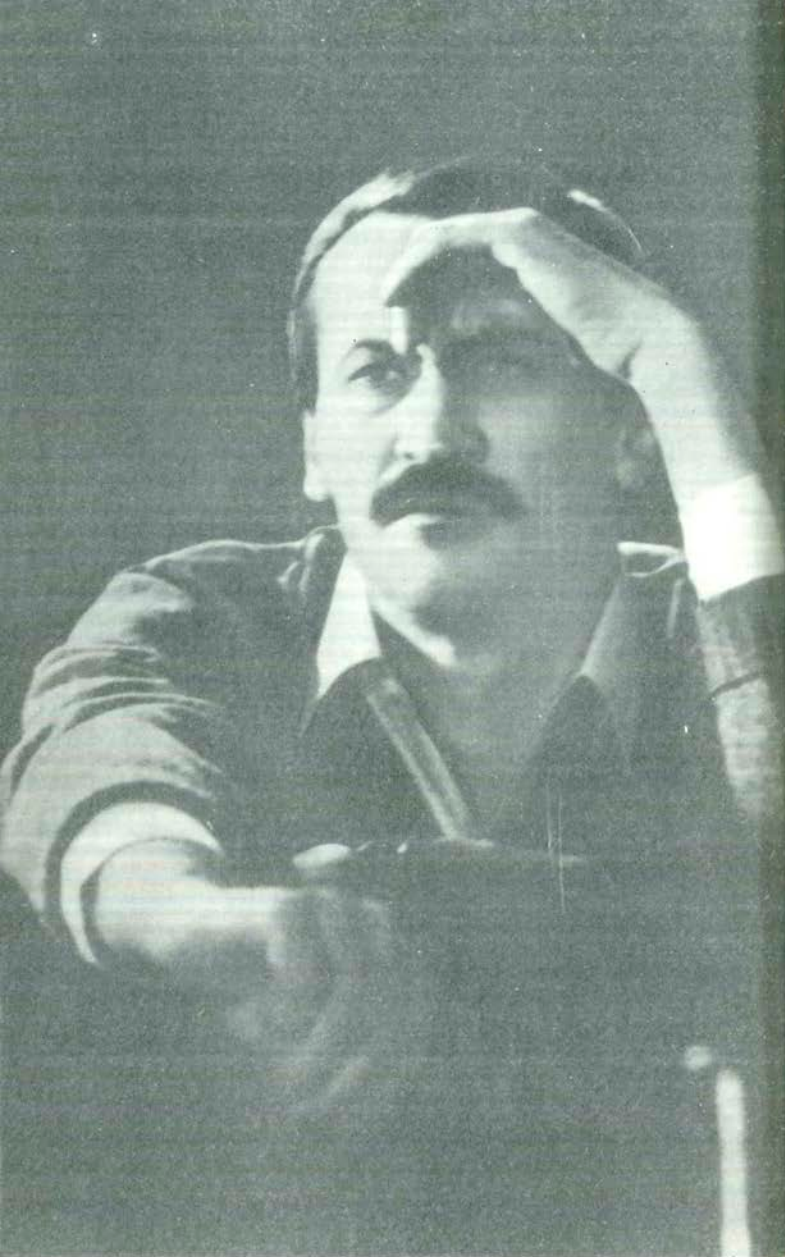
— Зуева не надо. Отпустите его.

— Как — отпустить?

— Отпустите. — Они сошли со сцены в зал. — А где же ваш народ?

— Я же вам говорю: еще рано, — обиделась Галя. — Без двадцати. Ваши спешат, наверно.

Он отпустил ее, остался в зале один.

Раздался голос через динамик:

— Геннадий Максимович, послушайте! Еще такой вариант!

И невидимый радист, уже тут как тут на своем посту, включил на полную мощность очередную вальс.

Геннадий сидел в глубине амфитеатра, один в пустом зале, уставившись на пустую сцену. Гремела музыка.

Из комнаты номер одиннадцать никто не отзывался. Геннадий стучал, потом попробовал дверь — она легко поддавалась: комната Павлика оказалась незапертой. В ней не было никого.

Подошел сосед, пожилой актер:

— Так его увезли. «Скорая» приезжала.

— Как — «скорая»? Когда? Вы что, серьезно?.. — оторопел Геннадий. — А почему же...

— Что, дверь? Так не закрыли, не успели, наверно...

Геннадий вернулся к себе.

Минуту-другую он сидел, подперев подбородок.

Потом обернулся устало: в дверь стучали.

— Кто? Войдите!

Вошел Олег Зуев.

Геннадий смотрел на него в ожидании.

— Нам надо выяснить отношения, — сказал Олег, стоя на пороге.

— Ты думаешь? Ну, давай, — вяло отозвался Геннадий.

— Я ведь пришел бить тебе морду.

— Это, брат, опасно, — сказал Геннадий. — Садись. Раздевайся, если хочешь. Тут жарко, стали топить.

— Так ты ничего не хочешь мне сказать?

— О чем?

— Ты решил от меня избавиться?

— Еще не решил. Думаю, — сказал Геннадий.

— Чем же я тебя не устраиваю, а? — спросил Олег, сделав наконец шаг от двери, но так и не присев, продолжая стоять. — Тем, что живу своей жизнью, а не твоей? У меня друзья, у тебя их нет и не будет! Тебе нужны единомышленники в искусстве, ты художник! Художник! Купи себе холст и краски, но нет, тебе нужны живые люди, которых бы ты выдавливал, как тюбики, на свои полотна! Посмотри на себя, на кого ты похож. Ни радости, ни любви человеческой. Художник с лицом убийцы!

Речь эту он, наверно, не раз повторял про себя, прежде чем выпалить ее здесь, в этой комнате. Он стоял, тяжело дыша, вспотев от жары и ненависти.

— Видишь, ты как, оказывается, умеешь, — сказал холодно Геннадий. — Вот где темперамент. А на сцене пустой. Смотришь на часы.

— Смотрю на часы, потому что спешу, да. Я спешу жить. И кто сказал, что моя жизнь хуже твоей? Ты такой же деловой человек, ничуть не лучше, и у тебя тоже корысть, ну, может, не та, что у других. Не модные пиджаки, а модные спектакли, вся разница!

Геннадий наблюдал за ним со спокойным интересом.

— Ну вот, видишь, уже на что-то похоже. По крайней мере нерв какой-то! От вас же скукой веет на сцене. Не прошибешь! Ну принесите хоть что-нибудь, черт возьми!.. Ладно, Олег, — заключил он мирно, — не будем ссориться. Я действительно хотел тебя заменить, да некем. Попробуем — с тобой.

— Да нет уж, хватит, попробовали! Все! — сказал Олег. — На, держи!

И швырнул на пол тетрадку с ролью.

— Подними, — сказал, побледнев, Геннадий.

И еще раз сказал:

— Подними!

И еще раз:

— Подними! Я тебе русским языком говорю! — И пошел на Олега.

И получил удар в грудь, тот самый, о котором предупреждал Олег, как только вошел в комнату, и к которому он готовил себя на протяжении всего разговора.

Ответ последовал немедленно: коротким молниеносным ударом Геннадий согнул противника, вторым таким же ударом бросил его на пол.

— Я тебя предупреждал.

И снова ударил, уже не щадя, в лицо, поднявшегося Олега. Тот отступил, закрываясь. Между пальцами его выступила кровь. Геннадий бросил ему полотенце:

— На! И убирайся!

Он проснулся в московской квартире, у матери, на широкой постели, на больших подушках, под стеганым одеялом с кружевным пододеяльником.

В окно светило яркое солнце; где-то близко, вероятно на кухне, бодро говорило радио. Он блаженно зевнул и потянулся. Потом позвал:

— Мама!

Мать появилась тотчас — из кухни, в фартуке.

— Проснулся?.. Ну ты здоров поспать.

— А сколько времени?

— «Времени»! Одиннадцать!

— Я бегу, — сказал Геннадий.

— Как — бежишь? А завтракать? Бежит! Побежал он! Куда по-

бежал, зачем? — ласково ворчала мать. — Слыхал вон по радио: торопиться вредно, от этого теперь все заболевания...

— Слушай, выключи ты его! — сказал Геннадий. — А я лежу и думаю: кто это там бубнит...

— Ладно, ладно.

Мать пошла выключать радио. Он собрался одеваться, увидел свои джинсы, перекинутые аккуратно через спинку стула, развернул их.

— Ты что это сделала? Кто же это гладит, зачем, кто тебя просил? Ну вот! — Он влез в них, посмотрел на себя, засмеялся. Потом засмеялся, посмотрев на мать, и пошел умываться, на ходу разглаживая складки на коленях.

Пока он умывался, мать быстро убрала постель. Ей было за шестьдесят или под семьдесят — неопределенный возраст старости, уже принятой как должное, не скрываемой. Мать не принадлежала к тому кругу, где женщины ее лет одеваются и красятся, как молодые.

В доме, судя по обстановке, уклад был скорее деревенский или поселковый, нежели городской. Живя в одиночестве, мать блюла порядок; вот и сейчас, быстро убравшись, она направилась на кухню, где уже был накрыт завтрак для сына.

Геннадий задержался в передней у телефона. Набрал номер, послушал и положил быстро трубку.

— Чай будешь, кофе? Сам иди заваривай, я по-твоему не умею...

— «Не умею», «не умею»! — Геннадий весело посмотрел на мать и вдруг обнял ее.

— Отпусти, ну вот еще! — отбивалась мать. — Небось провинился, нет? Садись уж, ладно, второй раз разогревать не буду!

— А ты что же? Попила уже?

— Неужели нет? Тебя ждать!

— А это что еще такое? — Геннадий критически оглядел стол. — Давай чашки хорошие, нечего беречь!

— Ишь ты! — сказала мать.

Но отправилась в комнату за хорошими чашками.

Потом она следила с нежностью — как он заваривал чай, как сел за стол, как ел. Ел он жадно, и она вовремя подложила жареной картошки, и огурчиков, и капусты из своих запасов.

— К ней пойдешь? — спросила она вдруг.

— Не знаю еще, — сказал Геннадий.

— А звонил кому? Вот только что.

— А-а... Это так, по делу.

— Александр Андреевич тебе звонил, говорила я, нет?

— Когда?

— Да на той неделе еще. Женский голос какой-то, секретарша, что ли. Зачем-то ты ему понадобился.

— Да низачем. От жадности. Хочет, чтоб все было при нем, на всякий случай. В том числе его ученики. Хватился: нет такого-то.

— А может, предложит тебе чего? Ты не отказывайся! Мало ли! Гордость хороша в другом! — с явным намеком заметила мать. — Чего смеешься? Думаешь, я не соображаю?

— Соображаешь, мать, еще как соображаешь! — И Геннадий, уже встав из-за стола, опять со смехом обнял мать.

Она отстранилась сердито:

— Ей не звони, слышишь! Не мучай себя... Вот парня повидать — другое дело. Она его тут раз привела, сама уходила куда-то на целый день. Мальчик смысленый. Нос твой, подбородок. На нее не похож...

— Хорошо, мама.

— Ты ей-то посылаешь или как? По исполнительному?

— Посылаю.

— Сколько?

— Да ладно, мама, хватит об этом.

— Лишнее тоже ни к чему, — строго сказала мать.

— Нет у меня лишнего, мама, — засмеялся Геннадий.

— Вот я и говорю: ни к чему. Мальчика привела: рубашка застиранная. Я говорю: как же ты, говорю, его — в садик? Сейчас дети вон как разодеты, ты посмотри!.. Смеется!..

— Ладно!

— Что «ладно»? Я тут кой-чего ему купила, у нас «Детский мир» открыли рядом. Рубашку, колготки. Повезешь. Я тебе в сумку положу.

— Ты мне скажи: как с глазами у тебя, ты ходила или нет?

— Да нет, сынок, это все без толку, — вздохнула мать. — Последний раз капли она мне прописала, так от них жжет, сил нет.

— Сходим с тобой к окулисту хорошему!

— Это ладно. Ты вот другое. Картошки мне на зиму. На рынке вон уже по сорок копеек. Пока есть в магазине...

— Хорошо, мама. Всего запасем. Вот разбогатею когда-нибудь — купим с тобой холодильник новый, этот уже барахло. Заживем с тобой!

— Да уж не со мной. Приведешь какую-нибудь.

— Нет, мама.

— Ну как «нет»? Почему «нет»? — возмутилась мать. — Что ж, так и будешь за этой бегать? Или как?

— Хорошо, хорошо, мать, женюсь! — сразу пообещал Геннадий. Ворчанье матери умиляло его, и он умел с ним справляться. — Найдём с тобой подходящую!.. — И вдруг прислушался. — Опять ты это радио!

— Погоду!

— Что — погоду? Зачем тебе погода?

И он опять смеялся. Завтрак был окончен, чай выпит. Он на минуту скрылся в комнате и вышел оттуда, уже одеваясь на ходу. Задергался в передней у телефона, потянулся к трубке, но — передумал, звонить не стал.

В театре, на этот раз столичном, шла монтировочная репетиция: двигали фурки на сцене, пробовали свет. Высокий, крупный человек в элегантной куртке — впрочем, не только куртке, элегантность была присуща всему его облику и движениям, — был в центре всех этих работ, хотя и стоял почти молча в пустом партере, в окружении двух-трех помощников, пользуясь лишь иногда короткой кому-то брошенной репликой или движением руки, понятным всем. Уже издали, даже не слыша слов, можно было определить в нем режиссера; он и был режиссер, а крупность фигуры в данном случае соответствовала значительности ранга, как это бывает у генералов... Это и был Александр Андреевич, маститый учитель Геннадия, его Мастер, и Геннадий, оказавшись в зале, не сразу, с давно внушенной почтительностью приблизился к нему и предстал пред его очами.

— А-а! Это ты, Гена? — ласково произнес Мастер и обнял его крупной своей рукой и чмокнул в щеку. — Исчез куда-то, пропал!

— Да нет, Александр Андреевич!

— Ну как же «нет», как же «нет»! — продолжал Мастер с укоризной, не сняв руки с плеча Гены и уже повернув его в сторону выхода, куда сейчас направлялся, поскольку репетиция кончилась.

В дверях Александр Андреевич отпустил Геннадия и прошел вперед, не меняя шага, продолжая начатый разговор; присутствие Геннадия подразумевалось, и Геннадий шел за ним, то оказываясь рядом, то чуть отставая или забегая вперед, в зависимости от ширины прохода.

— Ну как ты?

— Хорошо, Александр Андреевич, нормально.

— Нормально? — как бы сомневался Александр Андреевич, и Геннадий спешил успокоить его:

— Да-да, все в порядке, — ибо такой ответ освобождал Мастера от лишнего бремени в его многотрудной жизни.

— Ну, слава богу, — обрадовался Мастер. — Это правильно, что ты в провинции. Все мы начинали в провинции... Ну что тебе сказать? — легко перепрыгнул Мастер на тему о себе. — Жизнь утекает куда-то! Ни больших радостей, ни больших печалей... Крутишься, как в колесе. Остановишься — страшно, одолевают черные мысли. Значит, опять в работу. Театр, институт...

Кого-то встретили. Мастер отвлекся, утерял нить разговора. Начал сначала:

— Ну, слава богу, что ты у меня в порядке. Ставишь?

— Ставлю. «Чайку», — сказал Геннадий.

— Что это вы все кинулись на «Чайку»? — нахмурился Александр Андреевич. — Я ведь поставил в том сезоне. Видел мой спектакль?

— Видел, конечно.

— Ну давай, — согласился Александр Андреевич. — Ты, в конце концов, ничем не рискуешь. Когда был знаменитый провал «Чайки» в Александринском театре, знаешь, как это происходило? Шикали, шипели, гоготали. Бедный Чехов уехал в ту же ночь в Москву... А сейчас, слава богу, не поймешь, где провал, где триумф. Публика добрая — аплодирует.

— У вас было какое-то дело ко мне, Александр Андреевич, — напомнил наконец Геннадий. — Мне звонили от вас...

— Да, да, конечно. Дело, — сказал Мастер. — Было дело к тебе, да... Елена Сергеевна, — обратился он к женщине, только что пристроившейся рядом, так что теперь шагали они втроем — он, она и Геннадий, — вы не помните: что-то мы хотели ему предложить? Да, конечно! Малая сцена. Там, наверху. Славный такой зальчик на сто двадцать мест. Свой репертуар. Подумай, предложи. Сейчас как раз эпоха малых сцен...

— Хорошо, Александр Андреевич, подумаю.

Путь был завершен: Мастер вошел, и Геннадий с Еленой Сергеевной за ним, в раздевалку, снял с вешалки пальто с погончиками.

— Ты не исчезай, звони. Что это вы все за моду взяли — исчезать! — сказал он, одеваясь. И протянул руку Геннадию, потом потянулся губами, они поцеловались; потом Мастер, сопровождаемый Еленой Сергеевной и еще кем-то, направился к выходу, оттуда к машине, ждавшей его у подъезда.

Машина уехала. Рядом был телефон-автомат. Геннадий вошел в будку, набрал номер. Ему не ответили. Набрал другой.

И заговорил, неожиданно изменив голос:

— Алло! Инну Александровну, пожалуйста!.. Домой?.. Простите, давно?.. Спасибо!..

Он ждал на остановке автобуса, у Сретенки, среди городской суеты. Ветер гонял осенние листья, накрапывал дождь. Прошло, по-видимому, немало времени и немало автобусов, пока наконец в очередной группе выходящих пассажиров он не увидел женщину, ту, которую ждал. Пассажиры тут же разбрелись, смешались с потоками пешеходов, а он — уже уверенно, цепко держа взглядом знакомую фигуру, — шел на расстоянии за ней следом.

Женщина скрылась в дверях булочной, он решил подождать ее здесь и в момент, когда она вышла, смело шагнул навстречу. Это была его бывшая жена, Инна.

— Ты? — удивилась она. — Здравствуй. Ты что, в своем репертуаре?

— В каком... репертуаре?

— В классическом. Караулишь меня.

Молча двинулись рядом, знакомой дорогой, вдоль бульвара. Он взял у нее из рук сумку. Затем вдруг остановился, меняя маршрут; показал на скамейку за оградой.

Она удивилась, передернула плечами, посмотрела на эту скамейку, будто обследуя.

— Хорошо.

Они сели.

— А где Алешка?

— Уехал. — У нее было почему-то шутливое настроение, может быть, ей нравилось подначивать его.

Он спросил с раздражением:

— Как — уехал?

— В Ялту я его отправила, к тете Симе, у него что-то с бронхами.

— Ты что ж, его взяла из сада?

— Взяла.

Наступила пауза.

— Как живешь? — спросила Инна.

— Хорошо, прекрасно.

— Что там за театр?

— Хороший театр. — Геннадий решил отвечать только так.

— Ставишь что?

— «Чайку».

— С квартирой как?

— Предлагают квартиру. Посмотрим.

— «Чайку» — хорошо, — сказала она. — Сейчас можно Чехова ставить интересно. Как современную драму. Да?

Разговор опять иссяк. Инна посмотрела по сторонам. Рядом был ее дом.

— Может, зайдешь?

— Нет.

— Мне должны звонить.

— Ну, иди.

— Так пойдем вместе. Поедим чего-нибудь. Я одна.

Это должно было произвести впечатление на Геннадия. И — произвело.

— А где же твой этот?

— Мой этот больше здесь не живет.

— Что так?

— Мы расстались. Достаточно или нужны подробности?

— Нет.

— А у тебя как на этом фронте?

— У меня это не фронт, а тыл.

Она засмеялась:

— Это хорошо. Тыл — значит, спокойно... Я тебе давно говорила: тебе нужна хорошая жена, хозяйка. Ты же домостроевец по сути. А интересуешься почему-то эмансипированными женщинами, вроде меня. Парадокс!..

Он опять смотрел на нее.

— Платье, что ли, новое?

— Новое, да. Все новое.

— А как твоя диссертация?

— Сменила тему. Средневековый театр.

— Хорошо.

— Зайдем в дом. Ну что так сидеть на улице?

— Нет.

Но она знала его лучше, чем он себя.

— Зайдем. — И поднялась первая.

Был вечер. Они лежали рядом в темноте.

— Я зажгу свет, — сказала она.

И зажгла. Посмотрела на него при свете.

— Не будешь меня ни о чем расспрашивать, хорошо?

Он промолчал.

— Куда ты? — Она предупредила его движение.

— Матери позвоню.

— Мамульке?

— Да, мамульке.

— Да нет, что звонить. Ты сейчас поедешь.

Она гладила его волосы. Он лежал, стиснув зубы.

— Не заходил к Александру Андреевичу?

— Заходил.

— Ничего нового?

— Предлагает.

— Что, у него на побегушках?

— Постановку.

— Да? А ты что?

— Сказал: посмотрим.

— Ты сказал «посмотрим» или он? — Она взглянула недоверчиво.

Геннадий промолчал.

— Нужно, чтоб тебя заметили помимо него. Спектакль, о котором говорят. Телеграммы, звонки. Нужен успех. Тогда он тебя позовет.

Геннадий молчал. Она повернулась к нему, подперев рукой подбородок.

— Расскажи про театр. Что за актеры? Хорошие?

— Есть хорошие. Всякие.

— Тебе трудно с людьми, да?

— Как всем.

— Да нет, не как всем, — уверенно сказала Инна. — Ты ведь не признаешь компромиссов. А без этого трудно... У тебя когда премьера?

— А что?

— Есть идея. Моих девочек к тебе — Риту, Ляльку. Пусть посмотрят и напишут. Лялька в журнале сейчас. Ну что, что ты морщишься? Ты же на самом деле снедаем честолюбием, и не меньше, чем другие. Только оно у тебя крупное, не по мелочам. Ты реваншист!

— Кто?!

— От слова «реванш». Разве нет?

— Тебе виднее.

— Мне виднее. — Она опять гладила его волосы. — Я желаю тебе успеха, Генка!

— Это что, на прощание?
— Да. Ты сейчас поедешь.
— Ты ждешь кого-нибудь?
— Ну вот, начинается! Мрачный человек! Мне надоела твоя ревность, понял? Твои эти комплексы! Не жду! Никого не жду! Но я не хочу, понимаешь. Опять все сначала — не хочу! Еще 6 в любовницы к тебе я пошла, но ты же не создан иметь любовницу. А в жены — нет!

— Нет?

— Нет! — весело отвечала она. — Встаем?

...Звонил телефон. Теперь они стояли в передней, Геннадий собирался. Рука его потянулась к трубке, но застыла под взглядом Инны. Телефон продолжал звонить.

— Есть у тебя на такси? — спросила она. Обняла его, он стоял не двигаясь. — Так ты мне позвонишь?

— Когда?

— Перед твоей премьерой. Я тебе серьезно говорю: это надо организовать.

— Да! Вот это от матери, — вспомнил он. — Для Алешки.

— Хорошо. Спасибо.

Она взяла сверток, положила на стул не глядя. Она уже провожала Геннадия — решительно и, пожалуй, даже нетерпеливо.

— Пока! — махнул ей рукой Геннадий.

У здания театра толпился на тротуаре народ, стояли автобусы; милиционный оркестр занял место у выхода, загородив тротуар... Это были похороны — с прохожими, остановившимися на улице, толпой, уже повалившей из настежь раскрытых дверей. Музыканты вовремя вскинули трубы, оркестр заиграл; стали выносить венки, потом появилась процессия с гробом. Несли Павлика Платонова.

Все дальнейшее произошло в несколько минут: провожающие рассаживались по автобусам, первый из них уже тронулся, за ним остальные. Толпа на улице разошлась, музыканты складывали инструменты, все кончилось.

Геннадий Фетисов, за полчаса до этого еще ни о чем не ведавший, только что с поезда, застал уже обычную улицу, опустевший театр, зал, в котором теперь хозяйничали уборщицы. Ряды кресел были еще сдвинуты, в образовавшемся пространстве стоял постамент, покрытый черным и красным, осыпанный хвоей из-под венков; над ним висел портрет в черной раме — увеличенная фотография Павлика. Павлик на ней улыбался...

Рабочие сцены, двое пожилых и парень, принялись уже за разборку пьестамента; помогавшая им женщина снимала драпировку; на сцене открыли занавес, повернули круг — выехала стена дома

с окнами и уличный фонарь... Рабочие, монтировщики декораций, как их нынче называют, молча делали свое дело: разбирали одну декорацию, ставили другую, к вечернему спектаклю.

Геннадий сидел в конце зала, в полутьме, не в силах сдвинуться с места...

Продолжались репетиции.

Аркадина и Тригорин выясняли свои сложные отношения конца третьего акта: ему вдруг захотелось остаться, она — тащила его с собой в город. Была та же, уже виденная нами мизансцена, только вместо Павлика Платонова стоял другой Тригорин — Николай Князев, и он просил:

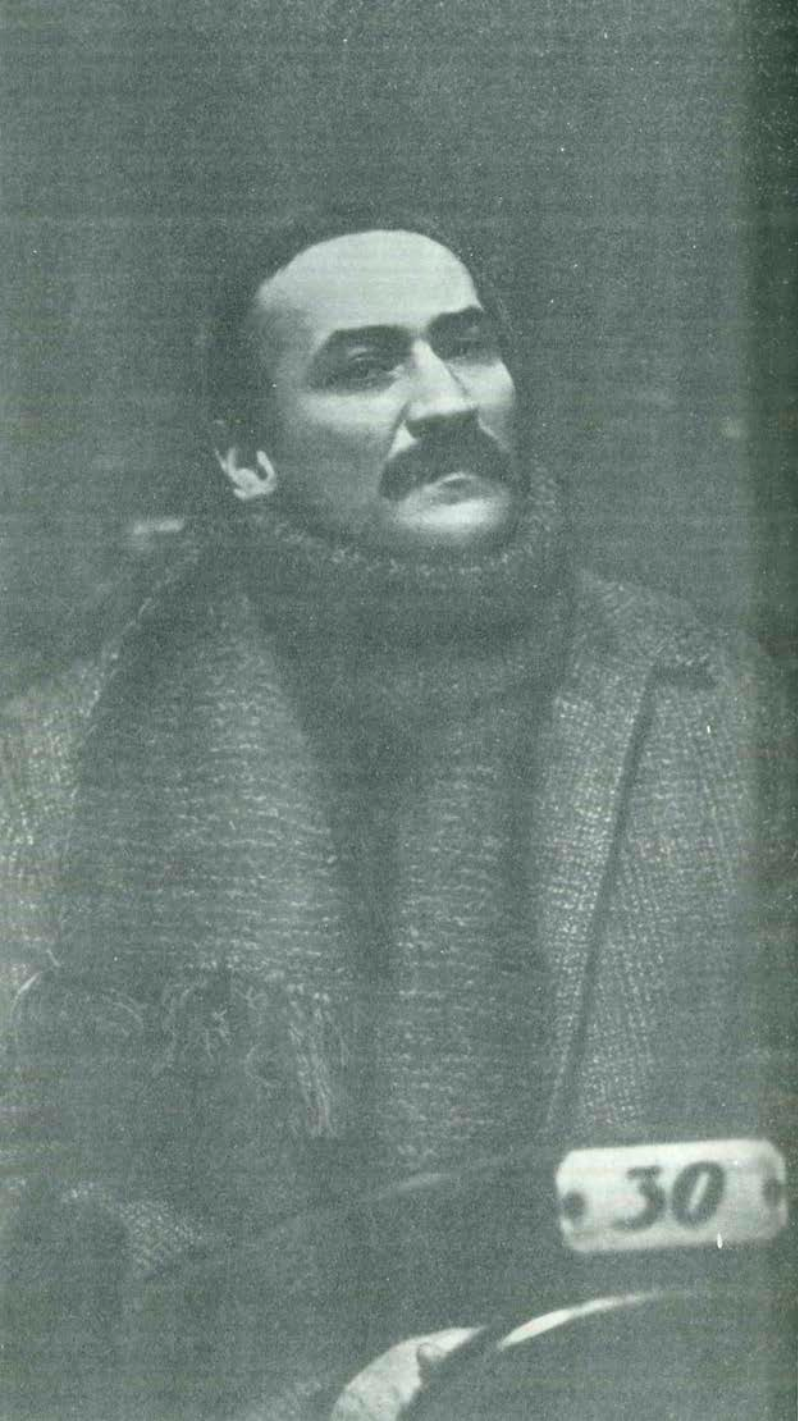
— «Останемся!»

— «Милый, я знаю, что удерживает тебя здесь, — говорила Аркадина — Зинаида Николаевна. — Но имей над собой власть. Ты немного опьянел, отрезвись».

— «Будь ты тоже трезва, будь умна, рассудительна, умоляю тебя... — отвечал Князев. — Будь моим другом, отпусти меня...».

— «Ты так увлечен?»

— «Меня манит к ней! Быть может, это именно то, что мне нужно».

Из зала негромко отозвался Геннадий:

— Объясните, объясните ей, Николай Николаевич! «Любовь юная, прелестная, поэтическая... Такой любви я не испытал еще!»

— «Такой любви я не испытал еще, — продолжал Князев. — В молодости было некогда, я обивал пороги редакций, боролся с нуждой. Теперь вот она, эта любовь, пришла наконец, манит. Какой же смысл бежать от нее?»

— Видите как, — сказал Геннадий. — Богатый, знаменитый. А счастья нет. Ни больших радостей, ни больших печалей. Обобрал мед с лучших своих цветов. Ничего не осталось. И поэтому он ваш, Зинаида Николаевна. Ваш. Далеко не уйдет.

— «Вы все сговорились сегодня мучать меня», — сказала сквозь слезы Зинаида Николаевна.

Тригорин — Князев схватился за голову:

— «Не понимает! Не хочет понять!»

— Алла Романовна, это вы там болтаете? — спросил Геннадий.

— Я.

— Поднимитесь на сцену! Николай Николаевич, как вы будете возвращаться?

— «Я забыл свою трость», — сказал Князев.

— Оглянулись: не видит ли кто? Быстро! Остались считанные минуты!

— «Я чувствовала, что мы еще увидимся, — произнесла торопливо Алла. — Борис Алексеевич, я решила бесповоротно, жребий брошен, я поступаю на сцену. Завтра меня уже не будет здесь... Я уезжаю, как и вы... в Москву. Мы увидимся там».

— «Остановитесь в «Славянском базаре», — сказал, оглянувшись, Князев. — Дайте мне тотчас знать... Молчановка, дом Грохольского... Я тороплюсь».

— «Еще одну минуту!» — сказала Алла.

— Да нет же! Не так! — взбежал на сцену Геннадий. — Вы погибаете от любви! Погибайте же, господа! Ну!

— «Еще одну минуту», — повторила Алла. — Почему? От какой любви? Она его любит здесь?

— Да!

— Любит или охмуряет... пардон, завлекает?

— Любит, любит! Это пьеса о любви, в ней пять пудов любви. Что вам еще не понятно? Любит! Завлекает! Скорей! Он сейчас уедет! Милый мой, желанный, самый лучший, знаменитый, усталый, я за тобой повсюду! Если тебе понадобится моя жизнь, возьми ее! Ну посмотри же на меня еще напоследок! Еще одну минуту!

— «Еще одну минуту!» — повторила Алла.

— «Вы так прекрасны, — продолжал Геннадий за Тригорина. — О, какое счастье думать, что мы скоро увидимся!.. — и протя-

нул к ней руки. — Я опять увижу эти чудные глаза, невыразимо прекрасную, нежную улыбку... Дорогая моя...».

Он держал ее за локти, смотрел ей в глаза, и что-то в этот момент изменилось в спокойном лице Аллы, губы ее задрожали... Он удивился, отпустил ее, позвал:

— Треплев, идите сюда!

— Тут нет его в этой сцене, — сказала помреж Галя.

— Он будет! Запишите себе: выход Треплева в момент целуя, чуть раньше, на реплику: «Мы скоро увидимся». Пусть это все — на его глазах. Не возражаете? — обратился Геннадий к молодому актеру, появившемуся только что на сцене.

Это и был Треплев, новый Треплев, заменивший прежнего — Олега Зуева.

— Хорошо, — кивнул он.

— Вон оттуда. И там остановился, — показал Геннадий. — Давайте сначала!

В раздевалке он столкнулся с Нюсей. Кивнул ей осторожно. Она ответила равнодушным кивком. Быстро оделась, ушла. Он остался.

Он ждал Аллу Сабурову.

— Вас сегодня не встречают?

— Нет. Вы разве не заметили?

— Что?

— Что не встречают.

Остановились на улице, на углу. Она посмотрела на него в ожидании, чуть иронически: что дальше?

Он спросил:

— Вы где обедаете?

— А вы?

— Вон там.

Она посмотрела.

— Ну, пойдемте.

Вошли в «стекляшку». Стали в очереди у стойки.

— Вы что будете?

— Берите. Я сама.

Он протянул рубль, взял сырдыки, кефир. Она сделала то же самое.

Сели за столик.

— Так что, у нас новый Треплев? — спросила Алла.

— Да.

— А меня вы тоже собираетесь заменить?

— Нет.

— Спасибо... Слушайте, это нельзя есть!

— Почему вы думаете?

— Это невкусно!

— Да, может быть, — согласился Геннадий. — Вот смотрите. Что происходит. Четвертый акт. Прошло два года. Вы актриса. Уже не восторженная уездная барышня. Зрелый человек, женщина. Похоронившая ребенка, брошенная любимым. Но не несчастная, ни в коем случае. Эту роль никто еще правильно не играл. Вы будете первая!.. Что? — Он увидел ее улыбку.

— Нет, ничего... Давайте я вас покормлю, хотите? — вдруг сказала она.

Поднялись на лифте.

Вошли: она открыла дверь двумя ключами, два замка.

Геннадий смотрел растерянно себе под ноги.

— Тапочки какие-нибудь.

— Да нет, не нужно ничего. Идите так. Ну вот эти можете. — Она показала.

Прошли в комнату, гостиную, с круглым столом, с книжными стеллажами во всю стену.

— Располагайтесь. Вот кресло. А хотите, пошли на кухню со мной, поможете.

— Я книги посмотрю.

— Смотрите.

— Мы одни, что ли?

— Да. А что, вас это беспокоит? Родители вернутся часам к десяти, они в гостях сегодня.

— А ваша комната где?

— Там, — сказала она и смутилась.

— Покажите.

— Пожалуйста.

В небольшой комнате был письменный стол, тахта, где они, очевидно, спали с мужем, и тоже полки с книгами.

— Как мужа зовут?

— Борис. Вы его видели.

— Видел. А почему вы нас не познакомили?

— Не знаю.

— Он где сейчас? — Геннадий держал взятую с полки книгу — техническую, книгу мужа.

— В Москве, в командировке.

Потом они стояли оба в кухне. Алла собирала на стол.

— А вы правда не пьете? Почему? — спросила она.

— Да так, — отвечал Геннадий. — Понял, что — лишнее. Мешает.

— Но мы с вами выпьем сегодня?

— Нет.

— Станный вы человек. А друзья у вас есть?

— Ну, наверно.

— Нет у вас друзей. У режиссеров не бывает друзей, да?

Она вручила ему поднос и отправила в гостиную, сама с подносом пошла следом.

В гостиной он снова принял к стеллажам.

— Прошу за стол.

— Сейчас, минутку.

— Я вам сегодня буду задавать вопросы, вы будете отвечать.

— Хорошо.

— Почему вы меня взяли на эту роль, только честно?

— Вы мне понравились.

— Вот уже врете. Как раз наоборот. Я вам не понравилась, и вы решили, что хищница — это как раз моя роль. Это уж вы потом изменили трактовку. Вы простили ее, да?

— Ну, может быть. Но вы мне понравились в другом смысле. Как актриса.

— Опять неправда. Ну какая я актриса, Геннадий Максимович,

Гена! Вы же прекрасно все понимаете! Актриса — это Арсеньева. Вот Павлик был актер! А я... просто красивая женщина. Ну надо же куда-то девать красоту, куда ее приспособить? Вот и пошла в училище, в театральное. На сцену. Будем сегодня говорить с вами только правду, условились?.. Ну что вы там смотрите?

— Книжки... Что делать с книгами? Прозевал время. Сейчас их уже ни за какие деньги не купишь...

— Хотите, сыграем?

— Во что?

— Сейчас я вам покажу. — Она подошла, достала с полки книгу. — Как там у нас в пьесе? Погодите... Вот. Страница 165, строчки пятая и шестая. — Она закрыла книгу и протянула ему. — Не поняли? Строчки пятая и шестая.

Хлопнула дверь в передней, послышались шаги.

— Спокойно, — сказала Алла.

Пришли ее родители — папа и мама. Папа был моложав, элегантен, в модных очках, походил на преуспевающего журналиста-международника. Мама несколько опрощала его своим провинциальным видом и хмурым выражением лица. Оба вежливо поздоровались с гостем и, постояв с минуту в дверях, удалились. Мама позвала Аллу.

Геннадий тем временем прочитал строчки, указанные Аллой, нашел другие — для ответа. Когда она вернулась, протянул ей раскрытую книгу:

— Строчка девятая, сверху.

Строчка состояла из одного слова: «Глупости».

Алла стояла рядом, совсем близко, отставив книгу, и смотрела на него с пугающей серьезностью.

— Поедем к тебе, — сказала она вдруг.

— Что?

— К тебе в общежитие. Куда хочешь, мне все равно... Ну, что ты молчишь? Я тебе говорю, слышишь? — И она обняла его. — Ну что ты пугаешься? Пусть войдут, мне все равно. Ты жестокий человек, я все про тебя знаю, это на твоей совести Павлик Платонов, и ты уедешь от нас, как только тебя позовут! Все, все про тебя знаю и, вот видишь, люблю тебя. — Она геребила его за шею, заставляя склониться к ней. — Ну что же ты стоишь как бревно! Обними меня!

И они обнялись.

— Поедем, да? — прошептала она.

— Нет, — шепотом отвечал Геннадий.

— Почему нет?

— Потому что это не нужно.

— Глупый ты, я тебя буду любить, — прошептала она. — Тебя еще никто не любил. Не бросай меня.

— Хорошо, — сказал Геннадий.
— Что — хорошо? Почему ты молчишь?
— Я тебе после все скажу.
— Когда — после? — Она опять теребила его, уже со злостью. — Когда, когда?
— После премьеры, — шепнул Геннадий.
Она отстранилась. Сказала, вдруг отрезвев:
— А ну уходите.
И он кивнул послушно и пошел к выходу.

Строили помост — продолжение планшета сцены в проходе между рядами. Актеры, таким образом, оказывались не только на сцене, но и углублялись в зал. Здесь им предстояло сейчас пройтись кругами вальса. Уже одетые, в костюмах своих персонажей, они стояли сейчас на этом помосте, ожидая команды: впереди — Нюся Платонова в черном платье Маши, за ней, метрах в десяти, — Аркадина и Тригорин и, наконец, в глубине зала — Треплев. Приближалась премьера.

Геннадий стоял рядом с Нюсей, взял ее за руку и, подав знак радистам, закружил... Звучало фортепьяно, меланхолический вальс четвертого акта, и Маша, медленно кружась, говорила:

— «Все глупости. Безнадежная любовь — это только в романах. Пустяки. Не нужно только распускать себя и чего-то ждать, ждать у моря погоды...».

Музыка зазвучала громче. Следующей парой шли Аркадина и Тригорин.

Был слышен вальс. Геннадий торопливо входил в обитый деревом директорский кабинет. Здесь, у стола, в удобном кресле, сидела Зинаида Николаевна в платье Аркадиной. Другое удобное кресло предназначалось Геннадию.

— Присаживайтесь, — попросил Евгений Иванович. — Кофе, боржома? — Взгляд его был ласков, голос, как всегда, тих, и телефон рядом на столике зазвонил еле слышно, не нарушая убаюкивающей тишины кабинета. — Я занят, — тихо сказал в трубку Евгений Иванович и уставился на Геннадия.

— Вы торопитесь, я знаю. Ну, во-первых, как дела? Мы успеваем?

— Я надеюсь.

— Успеваем, — сказала Зинаида Николаевна.

— Вам что-нибудь говорят эти фамилии? — Директор взял со стола телеграмму и протянул Геннадию.

— Да. Это критики московские. Собираются ко мне на премьеру.

— Это та самая Неустроева? Из журнала?

— Да.

— Мы им заказали люкс в гостинице. Правильно?... Наши тоже будут, из областной газеты.

— Хорошо.

— И почему-то, знаете, жены наших ответственных товарищей. Уже несколько звонков, просят места. У вас, очевидно, репутация новатора. Жены это обычно очень чувствуют.

— Ну, улыбнитесь же, — сказала Арсеньева.

— Зачем? — спросил Геннадий.

— Одним словом, я предвижу успех, — продолжал директор.

— Посмотрим.

— Погодите, это еще не все. — Директор посмотрел на Арсеньеву. — Мы хотели бы знать ваши дальнейшие планы.

— Мои планы? Работать. Ставить хорошие спектакли. Вот мои планы.

— Ну а конкретнее? Тут вот Зинаида Николаевна смеется, что вы хотите остаться Треплевым, не хотите быть Тригоринным. А мы как раз намерены предложить вам место главного. Такая созрела идея.

Зинаида Николаевна и вправду улыбалась.

— Да, я так и понял, — сказал Геннадий. — Надо подумать.

— Тут ведь, не скрою, говорили в труппе, что вы, мол, у нас тут разворошили все, а сами собираетесь на крыльях этой «Чайки»... — и директор взмахнул рукой над столом.

— Посмотрим, — сказал Геннадий. — Вы знаете, у меня сейчас репетиция.

— Ну хорошо, хорошо, желаю успеха.

— Спасибо.

— «К черту», — подсказала Арсеньева.

...Он возвращался в зал. Там гремел вальс.

— Простите, я — к вам. — Незнакомый человек выступил из полутьмы фойе. — Моя фамилия Колесов. У вас моя пьеса.

Геннадий уставился на него невидяще.

— Пьеса, — повторил незнакомый человек. — Вам передавал Евгений Иванович, ваш директор... Не помните? В такой папке синенькой. «Азовское море».

— Что — Азовское море?

— Так она называется.

— Вы знаете, я ее, по-моему... в общем, куда-то задевал, вы уж извините. Я найду.

— Ничего страшного. Не ищите. У меня вот здесь как раз новый

вариант. — И незнакомый автор вручил Геннадия папку. И тоже синюю.

— Где вы их берете? — спросил Геннадий.

— Что, папки? Я вам достану, если нужно. Вы знаете, я тут все заново переписал. И начало совершенно другое, и финал.

— Да? Какой же?

— Мой герой добивается своей цели.

— Хорошо!

— Я думаю, вам понравится.

— Надеюсь. Он у вас кто — директор?

— Почему вы решили? Нет, он у меня рядовой инженер.

— А почему «Азовское море»?

— А это так. Это его мечта.

Геннадий впервые с интересом посмотрел на незнакомца.

— Скажите, ну а как по-вашему, что лучше — приспособиться или идти напролом?

— Не понял.

— Напролом — это ведь чаще всего поражение, верно? Зато не теряешь себя...

— Да-да, конечно, — сразу согласился автор.

— Что «конечно»? У вас есть готовый ответ? Вот я, например, хочу поставить современную пьесу, мечтаю. И как раз о человеке, который добивается своей цели. Об активном герое. И он должен для этого ежедневно решать вопросы бытия. Не быта, а бытия.

— Хорошо. Мне нравится, — согласился автор.

— Ну и как же быть с этими вопросами? Вот, к примеру, хитрить, если это нужно для дела, или не хитрить никогда и ни при каких обстоятельствах? Грудью вперед или ползком на брюхе, но зато точно к цели?.. Чтобы были вопросы, на которые ни вы, ни я не знаем ответа...

— «Быть или не быть»!

— Вот-вот. — Геннадий смотрел на автора с интересом, даже симпатией. — Ну хорошо. Я почитаю.

— Знаете что, — сказал вдруг автор и протянул руку за папкой. — Я ее возьму у вас пока. Надо будет еще подумать. Я вам дам новый вариант.

— Пожалуйста.

— До свидания.

— До свидания.

Наступил день премьеры.

Об этом извещали афиши. Слово «Чайка» разлетелось по улицам, по афишным тумбам и заборам, пристало к огромному белому щиту у подъезда театра. Здесь сейчас толпился народ.

За кулисами шли последние приготовления, сновали актеры и костюмерши, кого-то искала помреж Галя. В актерском фойе Николай Князев, уже в гриме, в чесучевом пиджаке Тригорина, разговаривал по телефону. Он и указал Гале направление, куда она тотчас устремилась.

В тесной актерской уборной сидела, закончив грим, в белом платье Нина Заречной Алла Сабурова. Рядом стоял Геннадий.

— Я сейчас. Закройте дверь, — сказал он вошедшей Гале.

— Я даю звонки, — сказала Галя.

— Хорошо. — Он смотрел на Аллу. — Ну что?.. Ни пуха!

Поднял ее за руки, привлек к себе, поцеловал. Она отстранилась:

— Вы с ума сошли, грим! Идите сюда!

Но он уже вышел, на ходу вытирая щеку. Наткнулся в фойе на Князева. Тот, увидев его, испуганно положил трубку телефона. Потом окликнул, показал рукой на щеку: там, видимо, еще оставался след помады...

Начали. Сыграли первые сцены. Зал молча слушал. Из-за кулисы Геннадий видел угол партера, боковые ложи, часть сцены, где сейчас, то появляясь в поле его зрения, то исчезая, Нина и Треплев разыгрывали свой домашний спектакль:

— «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитавшие в воде... словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив печальный круг, угасли...»

И это все теперь — для полного зала, для чужих, незнакомых людей в партере, амфитеатре, на балконе, и уже ничего ни помянуть, ни добавить — катилось, двигалось, звучало со сцены, звучало из репродукторов, шло за Геннадием неотступно — из закулисной части в пустое фойе, в коридор, на лестницу и снова за кулисы, в чью-то актерскую уборную — как оказалось, к Князеву. Тот появился на миг со словами из пьесы: «Я забыл трость» — и впрямь он вернулся за тростью, и вот уже снова — на выход...

— «Сюжет мелькнул... Сюжет для небольшого рассказа: на берегу озера с детства живет молодая девушка, такая, как вы; любит озеро, как чайка, и счастлива, и свободна, как чайка...».

В «стекляшке» было совсем пусто. Геннадий сидел за столиком, обхватив руками голову. Над ним стоял Олег Зуев.

— Слушай... — Олег потеревил его за плечо. — Слышишь меня? — И снова потеревил.

И — выпрямился, отступил в удивлении: Геннадий плакал, плечи его дрожали.

Он поднял наконец голову, достал платок из кармана, вытер лицо, высморкался, с ответным удивлением взглянул на Олега и встал.

И направился к выходу не оборачиваясь.

Олег шел за ним следом, готовый подстраховать. Но шаг Геннадия был тверд, хотя и медлен. Он пересек улицу, вошел в подъезд театра, так и не оглянувшись на Олега.

Спектакль заканчивался. Нина прощалась с Треплевым.

— «Хорошо было прежде, Костя! Помните? Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь, какие чувства — чувства, похожие на нежные, изящные цветы... Помните? «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы...».

Потом она убегала по длинному помосту в глубину зала, в темноту.

...Как описать успех? Летели на сцену цветы и аплодисменты; сияли лица; публика не расходилась. Выходили на поклон актеры, брались за руки, отступали, возвращались. Потом к их цепочке присоединился вызванный на сцену режиссер...

В служебной ложе стояли и горячо аплодировали две сорокалетние женщины. Геннадий узнал их. Он автоматически, без радости, без всякого выражения, отключенно двигался вместе со всеми взад и вперед, словно выполнял работу; потом показал кому-то, чтобы спустили занавес...

Комната в актерском общежитии снова приобретала нежилой вид: Геннадий Фетисов собирал вещи. Чемодан был уложен, оставались книги, он быстро складывал их в стопку, перевязывал, шаря глазами по сторонам — не забыл ли чего. Оставалась афиша «Чайки».

Итак, он уезжал.

Сидел в ожидании поезда на вокзальной скамейке, связка книг на коленях, неприкаянный.

Пришло время — поднялся, зашагал. Чемодан в руке, связка книг в другой. Вдоль перрона, вдоль стоящего поезда, на посадку.

Шли люди с чемоданами, катились тележки носильщиков, все как обычно.

И вдруг он сбавил шаг.

За витринным стеклом, в зале ожидания, сбившись в какую-то нелепую группу, стояли актеры, смотрели ему вслед. Алла Сабурова, Арсеньева, Князев, и новый Треплев, и помреж Галя, и с ними еще кто-то. Стекло отсвечивало, лица были расплывчаты; мелькнув на минуту, они исчезли — Геннадий шел дальше.

Были они или казались?

Он шел, теперь уже не так решительно. Чемодан в руке, связка книг в другой.

Остановился.

Стоял, не оборачиваясь, посреди перрона.

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

«Успех» — цветной художественный фильм. Производство киностудии «Мосфильм», 1984.

Автор сценария А. Гребнев. Режиссер-постановщик К. Худяков. Главный оператор В. Пиганов. Художники-постановщики Б. Бланк, В. Кирс. Звукооператор В. Мазуров. Монтажер Г. Патрикеева.

Роли исполняют:

Л. Филатов — Геннадий Фетисов, А. Фрейндлих — Арсеньева, Л. Дуров — Павлик Платонов, А. Збруев — Олег Зуев, Л. Удовиченко — Алла Сабурова, А. Ромашин — Князев, Л. Савельева — Инна, М. Полицеймако — Галя, А. Мещерякова — Нюся, В. Дворжецкий — Винокуров, В. Привалов — директор театра.

Фотографии художника-фотографа Л. Гришиной.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Львовский. Когда приходит успех 5

А. Гребнев. «Успех» 10

Фильмографическая справка 78

Фотографии фотографа-художника Л. Гришиной

Гребнев А. Б.

Г 79   Успех: Киносценарий / Вступ. статья М. Львов-
ского. — М.: Искусство, 1987. — 79 с.: ил. —
(Б-ка кинодраматургии).

На материале жизни современного театра рассматривают-
ся сложные нравственные коллизии — речь идет о цене успеха,
о взаимоотношениях искусства и нравственности, морали и дела.

Г 4702010200-074
025[01]-87 40-87

ББК 85.374[2]

Анатолий Борисович
Гребнев

УСПЕХ

Киносценарий

Редактор Л. А. Ильина. Художник Г. К. Александров. Художест-
венный редактор И. С. Жихарев. Технический редактор Г. П. Да-
видок. Корректор Е. А. Мещерская.
И.Б. 2737

Сдано в набор 30.05.86. Подп. в печ. 20.11.86. А13987. Формат бу-
маги 84×100/32. Бумага тифдручная. Гарнитура журнально-руб-
леная. Глубокая печать. Усл. печ. л. 3,9. Усл. кр.-отг. 8,3. Уч.-изд.
л. 5,187. Изд. № 15620. Тираж 27 000. Заказ 179. Цена 40 коп. Из-
дательство «Искусство», 103009 Москва, Собиновский пер., 3. Ор-
дена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический
комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.